
СТИВЕН
КИНГ
МРАЧНЫЕ ИСТОРИИ,
КАК ВЫ ЛЮБИТЕ
Перевод Ернара Шамбаева (2024)

"Мрачные истории, как вы любите" (2024) — это новый сборник рассказов и повестей Стивена Кинга, общепризнанного короля ужасов и мастера триллеров.

Сборник включает в себя 12 произведений, 6 из которых уже были ранее переведены и выложены в Сети в 2023 году.

В данном сборнике:

Детектив, ужасы, фантастика, мистика, чёрный юмор – талант Кинга многогранен!

Перевод и примечания сделаны Ернаром Шамбаевым, телеграм-канал: https://t.me/king_holly

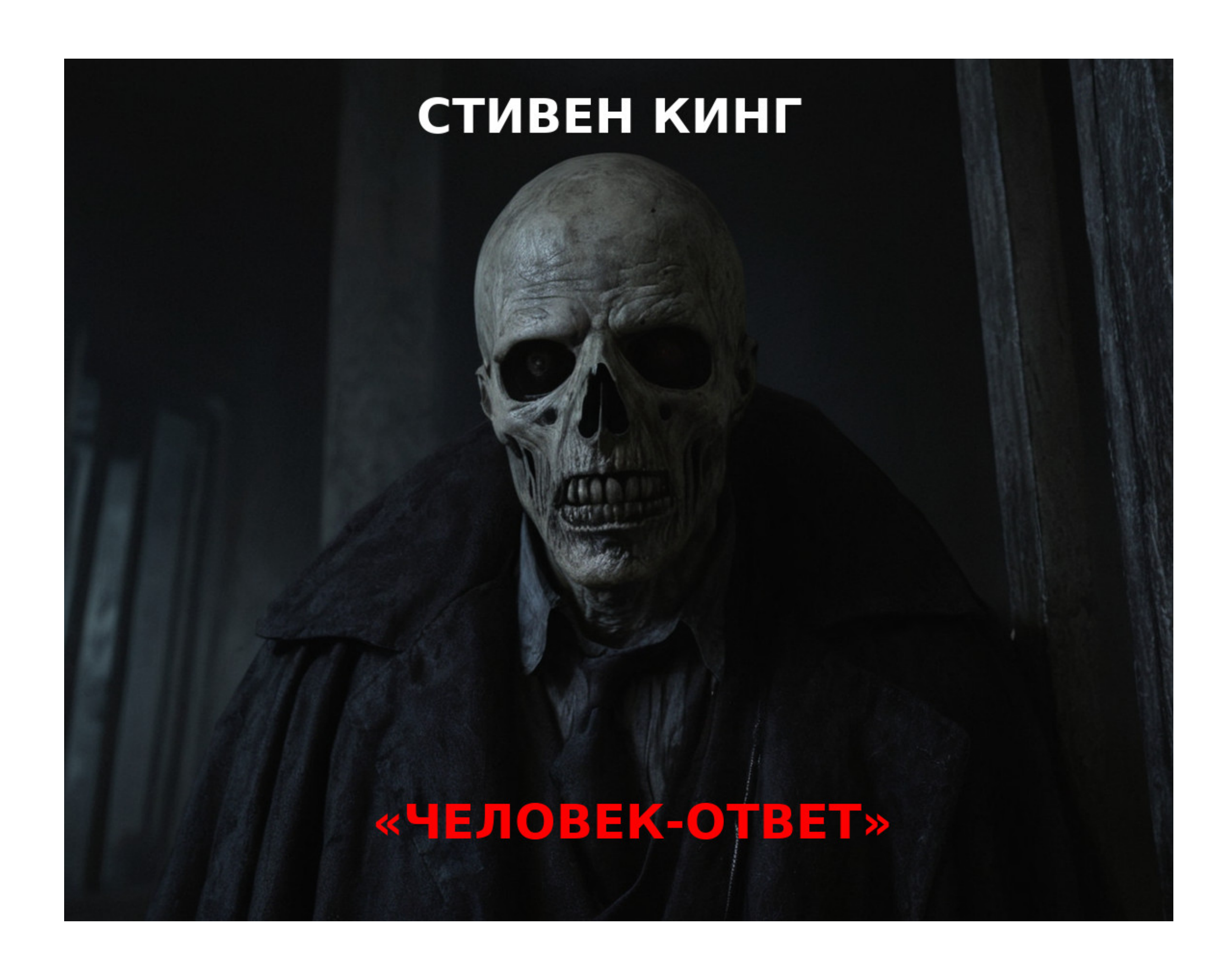
В конце этого сборника вас ожидает приятный бонус — свежее интервью с Мастером Кингом.

А теперь - откиньтесь на спинку кресла и наслаждайтесь.

Вас ожидает увлекательное, незабываемое путешествие!

В путь, друзья!

Человек-ответ

1

С Человеком-ответом Филу Паркеру посчастливилось — или очень не повезло — встретиться за свою жизнь трижды. В первый раз это произошло в 1937 году, когда ему было двадцать пять лет, он был помолвлен и только что получил диплом юриста, на котором едва высохли чернила. Кроме того, он стоял перед дилеммой, настолько жёсткой, что ему становилось дурно, стоило только подумать о ней.

Тем не менее, решение нужно было как-то принимать. Для этого он покинул свою квартиру в Бостоне и приехал в небольшой городок Карри в Нью-Гэмпшире, где у его родителей был летний домик. Здесь на выходных он планировал принять решение. В пятницу вечером он сидел на террасе с видом на озеро, поглощая шесть банок пива одну за другой. Он обдумывал свою дилемму, затем лег спать, проснулся в субботу утром с похмельем и без принятого решения.

В субботу вечером он сидел на той же террасе с видом на озеро с бутылкой имбирного эля "Олд Тайм". В воскресенье утром он проснулся без принятого решения, но и без похмелья —

это был плюс, правда, недостаточный. Когда он вернется в Бостон этим вечером, Салли Энн будет ждать, что же он решил.

Поэтому после завтрака он залез в свой старенький "Шевроле" и отправился колесить по дорогам Нью-Гэмпшира. Был прекрасный, солнечный октябрьский день. Деревья стояли в полном осеннем блеске, и Фил несколько раз останавливался, чтобы полюбоваться открывающимися видами. Он поразмышлял о том, что в конце осени не существует красоты, сравнимой с красотой Новой Англии.

Когда утро перешло в полдень, он начал ругать себя за то, что тянет резину и тратит время попусту. Надравшись пива, он не решил проблему, потягивая имбирный эль, не решил её, и теперь, любуясь осенней листвой, тоже не найдет решения. И всё же он подозревал, что его поглощенность природой и общение с ней были неслучайны. Это было либо частью решения, либо попыткой его разума увильнуть от решения, которое определит его жизнь и жизнь его невесты.

Это часть моего взросления, сказал он себе.

Да, но сама идея выбора чего-то одного была ему отвратительна. Он понимал, что это необходимо сделать, но это не означало, что он должен приходить от этого в восторг. Разве это не было похоже на выбор тюремной камеры, в которой ему предстояло провести свой срок? Пожизненный срок. Конечно, это было глупое преувеличение... и всё же не совсем.

Его дилемма была проста и очевидна, как заноза в заднице: где ему заниматься юридической практикой? Каждый выбор был чреват своими последствиями.

Отец Фила был старшим партнером в старой престижной бостонской юридической фирме "Уорвик, Лодж, Нестор, Паркер, Олбёртон и Фрай". Отец Салли Энн так же был старшим партнером в этой фирме. Джон Паркер и Тед Олбёртон считались лучшими друзьями еще со времен колледжа. Оба женились почти одновременно и были шаферами друг у друга на свадьбах. Фил Паркер родился в 1912 году, а Салли Энн — в 1914-м. В детстве они дружили и сохраняли симпатию друг к другу даже в тот сложный период раннего подросткового возраста, когда мальчики и девочки склонны публично выражать презрение к противоположному полу, независимо от того, что они чувствуют на самом деле.

Родители с обеих сторон, возможно, были не самыми удивленными людьми на земле, когда Фил и Салли Энн начали "водиться", как говорили в те времена, но никто из них не смел надеяться, что их дети сохранят свои чувства после четырех лет разлуки: Салли Энн училась в Вассаре[65], Фил — в Гарварде. Когда же выяснилось, что их привязанность сохранилась, родители были в восторге, как и Фил с Салли Энн (разумеется). Проблема была не в любви. По крайней мере, не напрямую, хотя любовь сыграла свою роль (как это почти всегда бывает).

Проблема заключалась в Карри, маленьком городке у границы штатов Мэн и Нью-Гэмпшир, где у Паркеров и Олбёртонов были летние дома на соседних участках у озера.

Фил любил Карри не меньше, чем Салли Энн, и теперь оказалось, что ему придется выбирать между ними. Он хотел открыть свою практику в Карри, хотя там проживало всего две тысячи

[65] Вассарский колледж — частный университет в городе Покипси, штат Нью-Йорк, первое высшее учебное заведение для женщин в Соединённых Штатах

человек. В центре городка, где пересекались маршруты 23 и 111, находились ресторан, две заправки, магазин хозтоваров, магазин "Эй энд Пи"[66] и ратуша. Не было ни бара, ни кинотеатра. За этими благами цивилизации нужно было ехать в Норт-Конвей, расположенный совсем не близко. Была начальная школа (в те времена называемая грамматической), но не было средней школы. Подростки из Карри автобусами ездили в Паттенскую среднюю школу, что находилась в десяти милях.

А еще в городе не было юриста. Фил мог стать первым. Паркеры и Олбёртоны считали, что он спятил, даже рассматривая вариант с Карри. Джон Паркер был оскорблен и зол от того, что его сын не думает присоединяться к фирме, в которой его дед был старшим партнером еще в эпоху, когда люди ездили на лошадях. По его словам, трудно было поверить, что молодой человек, с отличием окончивший юридический факультет Гарвардского университета, будет даже рассматривать возможность практиковать в глуши Нью-Гэмпшира... которую он называл забытой глушью Нью-Гэмпшира (иногда, после коктейля или двух, — ублюдочной глушью).

— Твоими клиентами будут фермеры, которые судятся друг с другом из-за коров, ломающих заборы, — сказал Джон Паркер. — Твои самые крупные дела будут касаться браконьерства или мелких дорожных аварий. Ты, должно быть, шутишь. — Но, судя по выражению лица его сына, он понимал, что тот не шутит.

Тед Олбёртон был зол ещё больше. У него была особая причина для гнева, помимо тех, что Джон уже озвучил своему сыну: Фил собирался совершить необдуманный акт разрушения собственного будущего не в одиночку. Он планировал взять заложника, и этим заложником была дочь Олбёртона.

Когда Фил продолжил упорствовать, Олбёртон жёстко и решительно подвел черту.

— Я запрещаю этот брак.

— Сэр, — ответил Фил, стараясь держать свой голос ровным и (как он надеялся) вежливым, — я люблю Салли Энн. Она говорит, что тоже любит меня. И она совершеннолетняя.

— Ты имеешь в виду, что она может выйти за тебя без моего согласия. — Тед был крупным, широкоплечим мужчиной, неравнодушным к подтяжкам (которые он называл бретелями). Его голубые глаза могли быть теплыми, но в тот день они были кремнеподобны. — Это правда, она может. Ты мне нравишься, Фил. Всегда нравился. Но если ты совершишь то, что задумал, этот брак будет заключен без моего благословения. А это, как я полагаю, сделает её очень несчастной. Честно говоря, я вообще сомневаюсь, что она на это пойдет.

Фил заглянул в эти кремниевые глаза и осознал, что Тед Олбёртон еще смягчает суть дела. Он был уверен, что Салли Энн на это не пойдет.

Фил не знал, согласится она или нет, особенно если мистер Олбёртон решит не давать денежное приданое. Фил знал, что Салли понимала его стремления лучше, чем их родители, которые либо не понимали, либо не хотели понять. Частично она тоже хотела этого. В конце концов, она так же выросла, проводя лето, а иногда и снежное волшебное Рождество в Карри.

---

[66] "Эй энд Пи" — американская сеть супермаркетов, старейшая сеть супермаркетов в мире

Она была готова слушать рассуждения Фила, верившего в подъем Карри и всей южной части Нью-Гэмпшира.

— Он начнет потихоньку расти, — рисовал он ей радужные картинки тем летом, когда ещё надеялся, что если не Олбёртонов, то хотя бы собственных родителей сможет привлечь на свою сторону. — До конца депрессии еще очень далеко, лет семь или около того... если только не начнется война. Мой отец считает, что она будет, а я нет. Рост начнется с Норт-Конвея и распространится оттуда. К 1950 году будет больше автомагистралей. Больше автомагистралей — больше туристов, а больше туристов — больше бизнеса. Люди будут приезжать из Массачусетса и Нью-Йорка, Сал, и они будут приезжать тысячами. Десятками тысяч! Чтобы купаться в чистых озерах летом, смотреть на смену листвы осенью, кататься на лыжах зимой. Твой отец полагает, что я буду жить бедно и умру бедным. Думаю, он ошибается.

К сожалению, тогда был не 1950 год и даже не 1945. На дворе стоял 1937 год, и ему не удалось их переубедить. Он ещё не решился — во всяком случае, пока не решился — попросить Салли сделать выбор, что могло привести к её отказу от своей семьи... либо отказу семьи от неё. Это казалось ужасно несправедливым, но оставлять её в подвешенном состоянии из-за своей дилеммы тоже было несправедливо. И поэтому он сказал ей, что собирается приехать сюда, провести выходные и принять решение. Либо фирма на Коммонвелс-авеню, либо маленький деревянный офис за ратушей Карри, рядом с заправкой "Суноко"[67]. Бостон или Карри. Невеста или тигр[68]. А пока он решил...

— Совершенно ничего не решил, — пробормотал он. — Боже Всемогущий!

Сейчас он ехал по шоссе 111 и направлялся обратно к озеру. Желудок напоминал ему, что неплохо было бы подкрепиться, но делал это тихо и с уважением, словно его тоже смущала возникшая дилемма.

Больше всего на свете ему хотелось, чтобы его отец и мать поняли, что фирма просто не подходит ему, что он будет там не на своем месте. То, что фирма подходила его отцу и деду (не говоря уже о достопочтенном Теодоре Олбёртоне и его отце), не делало её автоматически подходящей для него. Он всячески пытался донести до них, что, возможно, сможет должным образом исполнять свои обязанности в особняке на Коммонвелс-авеню, но при этом будет чувствовать себя бесконечно несчастным. Просочится ли это несчастье в его семейную жизнь? Очень может быть.

— Чепуха, — ответил ему отец. — Как только ты приручишься, тебе здесь понравится. Мне понравилось, и тебе понравится. Каждый день новый вызов! Никаких мелких исков по поводу сломанных плугов или украденных фермерских фургонов!

"Приручишься". Что за слово! Оно преследовала его всю весну и лето. Так поступают с лошадьми. Приручивают их, пашут на них до тех пор, пока те не превратятся в кляч, а затем отправляют на живодерню. Эта метафора, хоть и была мелодраматичной, смахивала на правду.

---

[67] "Суноко" — американская нефтяная компания, занимающаяся оптовой и розничной торговлей нефтепродуктами
[68] "Невеста или тигр?" — рассказ, написанный Фрэнком Ричардом Стоктоном в 1882 г. Выражение "невеста или тигр?" прочно вошло в английский язык в качестве аллегории для проблемы, которая не может быть разрешена

Его мать, которая чувствовала, что его тревога реальна, была добрее.

— Ты не узнаешь, подходит тебе фирма или нет, пока не поработаешь там, — сказала она, и это было самым разумным и соблазнительным доводом в пользу фирмы. Потому что он прекрасно себя знал.

Он был хорошим студентом. Возможно, не самым выдающимся, но быть просто хорошим не постыдно. Однако он не был бунтарем, как и Салли Энн. Если бы они были таковыми, то не испытывали бы столь сильного страха при мысли пойти против воли родителей — в конце концов, они ведь не подростки!

Если он пойдет работать в эту фирму, подозревал Фил, то со временем он приручится и втянется. Его идея стать первым юристом в маленьком сонном городишке, который когда-нибудь может вырасти в процветающий городок, а возможно, даже и в город, отступит. Сначала медленно, потом, когда появятся первые седые пряди на висках, всё быстрее и быстрее. Через пять лет это будет, скорее, мечта, чем желание. Появятся дети и дом, за которым нужно ухаживать, еще больше заложников судьбы, и с каждым годом — чёрт возьми, да с каждым месяцем, с каждой неделей, с каждым чертовым днём — будет всё труднее повернуть назад.

Пожизненный срок.

Он пытался представить себе, как скажет Салли Энн, что выбрал Карри. Его родители помогли бы им начать новую жизнь (наверное), даже если бы Олбёртоны отказали. У него были кое-какие сбережения, и у Сал тоже (немного). Это было бы трудно, но не невозможно (скорее всего). Он подозревал, что Тед Олбёртон ошибался насчёт того, что его дочь откажется выходить замуж без его благословения, Фил осмеливался думать, что в этом отношении знает Сал лучше, чем её отец, но что это будет за брак без родительского благословения? Стоит ли начинать семейную жизнь с враждебности вместо поддержки?

Его мысли метались туда-сюда — городок или город, невеста или тигр, — когда он преодолел один из длинных холмов на шоссе 111. Его внимание привлёк ярко-жёлтый знак с ручной росписью. "2 МИЛИ ДО ЧЕЛОВЕКА, КОТОРЫЙ ЗНАЕТ ВСЁ" — гласила надпись. Фил ухмыльнулся, а потом громко расхохотался. "Было бы неплохо, если бы такой человек действительно существовал", — подумал он. — "Мне бы точно не помешали ответы на мои вопросы".

Он продолжил движение и вскоре миновал ещё один знак. Этот был цвета электрик. "ДО ЧЕЛОВЕКА С ОТВЕТАМИ — 1 МИЛЯ".

Фил преодолел ещё один долгий подъём и у подножия спуска заметил ярко-красное пятно на обочине. Подъехав ближе, он увидел, что это был большой пляжный зонт со свисающими зубчиками по бокам. Под ним стоял стол. За столом в тени сидел мужчина. Филу эта инсталляция напомнила летние киоски с лимонадом. Но здесь не было маленьких, полных надежд детей, которые часто забывали добавить сахар в свой кисловатый напиток, и сейчас был не летний день, а середина осени.

Сильно заинтригованный, Фил остановил машину и вышел из своей развалюхи.

— Здравствуйте!

— И вам, — дружелюбно ответил Человек-ответ.

На вид ему было около пятидесяти. Его редеющие волосы были с проседью. Лицо было морщинистым, но глаза яркими и живыми. Очков он не носил. На нём была белая рубашка, простые серые брюки и чёрные туфли. Свои руки с длинными пальцами он аккуратно сложил на столе. У ног лежала сумка, похожая на докторский саквояж. Он выглядел разумным человеком, и Филу он не показался чудаком. На самом деле он напомнил Филу юристов среднего звена и среднего возраста: солидные, респектабельные мужчины, которым не хватало той последней капли способностей, которая могла бы их продвинуть до уровня старшего партнера. Именно ощущение уютной корпоративной обыденности и делало появление этого человека под ярко-красным зонтом у чёрта на куличках столь любопытным.

По другую сторону стола стоял складной деревянный походный стул. Предположительно, стул для клиента. Перед потенциальными клиентами Человека-ответа в ряд были установлены три маленькие таблички: "ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ ЗНАЕТ ВСЁ" — гласила табличка в середине, "25 ДОЛЛАРОВ ЗА 5 МИНУТ" — гласила надпись слева, "ПЕРВЫЕ 2 ОТВЕТА БЕСПЛАТНО" — гласила табличка справа.

— Что это такое? — спросил Фил.

Человек-ответ окинул его ироничным, но дружелюбным взглядом.

— Вы производите впечатление умного молодого человека, — сказал он. — Молодого человека, который учился в университете, судя по флажку на антенне вашей машины. Гарвард, не меньше! Десять тысяч гарвардцев сегодня требуют победы!

— Верно, — произнес Фил, улыбаясь. — Ведь они знают, что над Йелем Гарвард одержит верх[69].

Человек с ответами тоже улыбнулся.

— Такие молодые люди, как вы, — и девушки, да, девушки, — настолько привыкли задавать вопросы, что даже не задумываются о том, что, собственно говоря, они спрашивают. И поскольку сегодня утром у меня почти нет дел, я окажу вам любезность и не буду отвечать на этот вопрос. У вас по-прежнему остается два бесплатных вопроса, если захотите их использовать.

Фил подумал, что даже если у этого мужчины не всё в порядке с мозгами, в его словах определенно имелся смысл. Он задал вопрос, ответ на который был очевиден. За двадцать пять долларов этот человек будет отвечать на вопросы в течение пяти минут. Вот что здесь, собственно говоря, происходит. И это всё.

— Ну, скажите, разве не дороговато брать двадцать пять баксов за пять минут ответов? Неудивительно, что у вас почти нет дел.

---

[69] Боевая песня Гарвардского университета, написанная в 1918 году

— А что значит "дороговато"? Нет, отвечать не надо — отвечаю здесь я. Мои расценки зависят от местоположения и потенциальных клиентов. Бывало, я брал сто долларов за пять минут, а однажды даже тысячу. Тысячу железных человечков! Вот так! Но бывало, я брал всего десять центов. Можно сказать, я беру за свои услуги столько, сколько позволяет торговля. Ответы не всегда бывают болезненными, молодой человек, но правильные ответы не могут стоить дешево.

Фил открыл было рот, чтобы спросить, серьезно ли всё это, но тут же закрыл его. Легко представить, что Человек-ответ на это ответит: "Да, всё серьезно, и это был ваш второй бесплатный вопрос".

— Откуда мне знать, что ваши ответы будут точными и достоверными?

— Сейчас — никак, но со временем узнаете, — сказал Ответчик. — И это...

— Был мой второй бесплатный вопрос, — закончил за него Фил. Он широко улыбался, наслаждаясь игрой. Затем он спросил:

— "Со временем" — это когда? — вопрос сорвался с языка раньше, чем он успел прикрыть рот рукой, но было уже поздно.

— Сегодня не так много народу, поэтому я подарю вам третий вопрос бесплатно, — сказал мужчина за столом. — Ответ: по-разному. Это нисколько не поможет вам добраться до сути моей профессии — если вы пытаетесь отыскать ее суть. Видите, как легко задавать вопросы, которые не приближают к пониманию? Это обесценивает сам процесс задавания вопросов, не так ли? Процесс погружения в суть вещей.

Человек-ответ откинулся на спинку стула, сцепил пальцы на затылке и уставился на Фила.

— После стольких лет в этом бизнесе мне пора уже перестать удивляться тому, насколько бесполезны и бессмысленны могут быть вопросы умных людей, и тем не менее я продолжаю удивляться. Этой беспечности. Этой лени ума. Я часто задумываюсь, действительно ли умные люди понимают, какие ответы они ищут в жизни. Возможно, они просто плывут по течению или летят по ветру на волшебном эго-ковре, делая предположения, которые часто оказываются неверными. Это единственная причина, которой я могу объяснить, почему они задают такие бесполезные вопросы.

— Бесполезные! Действительно!

Человек-ответ продолжил, словно не слышал.

— Вы меня спросили, как узнать, что мои ответы будут правильными. "Точными и достоверными" — так вы выразились, что было довольно неплохо. Поэтому я подарил вам один вопрос. Если бы сейчас был предрождественский ажиотаж, вы бы уже вернулись обратно в свою машину и уехали бы.

Порывы ветра трепали зубчатый край красного зонтика и взъерошили седоватые волосы Человека-который-знал-всё. Он посмотрел на пустую дорогу с выражением глубокой меланхолии.

— Осенью у меня мало клиентов, а в октябре — меньше всего. Наверное, осенью люди способны находить ответы на свои вопросы самостоятельно.

Он еще некоторое время смотрел на черную ленту дороги, петляющую среди сверкающих, пылающих деревьев. Затем его взгляд прояснился, и он снова посмотрел на Фила.

— Почему бы вам просто не спросить меня о чем-нибудь конкретном?

Фил был застигнут врасплох.

— Не понимаю, о чем вы.

— Ведь на самом деле вы хотели узнать, не шарлатан ли я, — произнес Человек-ответ. — И если бы вы спросили, например, какова была девичья фамилия вашей матери или имя вашего учителя в пятом классе, короче, что-то, чего я никак не могу знать, если бы не был тем, за кого себя выдаю, вы бы это определили. — Он покачал головой. — Люди, не обладающие вашими интеллектуальными способностями, обычно задают именно такие вопросы. Люди с ними — скажем, с гарвардским образованием — почти никогда этого не делают. Это возвращает нас к тому, о чем я уже говорил. У умных людей двойная проблема: они не знают ответов, которые им нужны, и не знают, какие вопросы следует задавать. Образование не прививает умственную дисциплину. По идее должно, но часто бывает как раз наоборот.

— Ладно, — произнёс Фил уязвленно. — Какова девичья фамилия моей матери?

— Простите, — молвил Человек-ответ и постучал по табличке, на которой было написано: "25 ДОЛЛАРОВ ЗА 5 МИНУТ". — За это нужно заплатить.

— Вы меня надули! — воскликнул Фил шутливо. Но ему не было весело, он чувствовал раздражение. И на себя, и на этого умника.

— Ничуть, — спокойно ответил Человек-ответ. — Вы сами себя надули.

Фил хотел было возразить, но не стал. Он всё понял. Это было похоже на интеллектуальные напёрстки.

— Было крайне интересно, сэр, но двадцать пять долларов — это многовато для парня, который недавно окончил университет и думает начать собственный бизнес, так что мне лучше вернуться к своим делам. С вами было весело провести время.

Когда Фил уже отходил, он подумал — нет, он был уверен, — что человек под красным зонтом скажет: "Клиентов сегодня как кот наплакал и всё такое, может, я возьму с вас двадцать долларов за пять минут. Эх, была не была, пусть будет даже пятнадцать. Пятнадцать вечнозеленых, а обо всём остальном позабочусь я". И когда так произойдет, решил Фил, он сразу же заплатит и сядет задавать вопросы. Этот человек явно был шарлатаном и жуликом, ну и что с того? В его бумажнике были двадцатка, десятка и две пятерки. Даже с этой тратой у него хватит денег заправить свою старую тачку и хорошо отобедать в придорожном кафе. Фил подумал, что произнесённые вслух вопросы лучше постоянно крутящихся в его голове, и кто знает, может, это поможет ему в решении проблемы.

"Самопровозглашенный Человек-который-знает-всё в одном точно прав", — подумал Фил. — "Чтобы получать хорошие ответы, нужно задавать хорошие вопросы".

Но всё, что произнес Человек-ответ, было:

— Езжайте аккуратно.

Фил подошел к своей машине, обошел слегка помятый передний бампер и оглянулся. Он по-прежнему ожидал, что Человек с ответами предложит ему скидку, но тот, казалось, полностью забыл о существовании Фила — он смотрел в сторону Вермонта, напевал что-то и чистил ногти маленькой веточкой.

"Он действительно намерен меня отпустить", — подумал Фил раздраженно. — "Ну и черт с ним, уеду".

Он открыл водительскую дверь своего "Шеви", поколебался, а затем снова закрыл ее. Достал бумажник. Вытащил двадцатку и одну из пятерок.

"Просто озвучить вслух свои вопросы", — подумал он снова. — "И мне вовсе не обязательно потом распространяться, что я опустился до того, что плачу всяким гадалкам и предсказателям во времена Депрессии".

К тому же, может, стоит заплатить двадцать пять долларов, чтобы посмотреть, как этот самодовольный мерзавец будет выкручиваться и искать оправдания, когда Фил всё-таки спросит у него девичью фамилию своей матери.

— Передумали? — Человек-ответ засунул веточку для чистки ногтей в нагрудный карман рубашки и взял свою сумку.

Фил улыбнулся и протянул деньги.

— Следующие пять минут вопросы здесь задаю я.

Человек-ответ рассмеялся и указал пальцем на Фила.

— Отлично, мой друг. Вы мне нравитесь. Но прежде чем я возьму ваши деньги, нам нужно прояснить одно правило.

"Начинается", — подумал Фил. — "Лазейка, через которую он собирается выкручиваться".

Из своей сумки Человек с ответами достал нечто, похожее на старомодный будильник "Биг-Бен". Когда он поставил его на стол, Фил увидел, что на самом деле это гигантских размеров секундомер с цифрами от 5 до 0.

— Я не психиатр и не советчик. И уж точно не гадалка-прорицатель, хотя уверен, что именно это вы про меня думаете. Дело вот в чем: не пытайтесь задавать мне вопросы со "стоит ли", "должен ли я" в них. Никаких "стоит ли мне делать это", никаких "стоит ли мне делать то". Я отвечаю на вопросы, но не решаю проблем.

Фил, который собирался спросить этого человека, стоит ли ему присоединиться к фирме или открыть собственный офис в Карри, начал убирать свои деньги. Затем он подумал: "Если я не

могу сформулировать свои вопросы таким образом, чтобы обойти его запрет на "стоит ли", каким же я буду адвокатом в суде?"

— Согласен, — сказал Фил и протянул деньги. Деньги отправились прямиком в сумку Человека-ответа.

— Не могу называть вас "сынок". Может, назовете мне свое имя?

— Фил.

— Фил как?

Фил хитро улыбнулся.

— Просто Фил. Думаю, этого достаточно, учитывая, что это ненадолго и мы больше не увидимся.

— Ладно, "Просто Фил". Дайте мне секундочку, чтобы завести эту хреновину. Я вижу, что у вас есть собственные часы, похоже, очень хорошие "Булова", так что если желаете сверить их с моими, не стесняйтесь.

— Так я и сделаю, — сказал Фил. — Я намерен получить то, за что заплатил.

— И вы это получите. — Человек-ответ завёл свой огромный секундомер со звуком "щелк-клацк", очень похожий на звук часов, которые Фил держал у своей кровати в студенческие годы. — Готовы?

— Да. — Фил сел на стул для клиентов. — Но если вы не сможете ответить на мой первый вопрос, я немедленно потребую свои деньги обратно. Вы либо вернете их добровольно, либо я заберу их силой.

— Звучит очень грозно! — произнес Человек-ответ и рассмеялся. — Я спрошу снова: вы готовы?

— Да.

— Тогда начнём. — Человек-ответ нажал на рычаг на задней стороне часов, и они начали тикать.

— Ваше предположение: какова девичья фамилия моей матери?

Человек-ответ не колебался.

— Споран.

У Фила отвисла челюсть.

— Откуда, черт возьми, вы это знаете?

— Я не хочу тратить оплаченные вами минуты, Фил, но должен заметить, что вы задали еще один вопрос, ответ на который уже знаете. Я знаю, потому что я, та-да, Человек-который-знает-всё.

Фил почувствовал себя так, будто получил удар правым хуком. Он даже потряс головой, чтобы прийти в себя. Большой секундомер Человека-ответа тикал очень громко. Стрелка приближалась к отметке 4.

— Как зовут мою девушку?

— Салли Энн Олбёртон. — Ни малейших колебаний.

Фил начал испытывать страх. Он убеждал себя, что не нужно бояться, на дворе прекрасный октябрьский день, и он моложе и, несомненно, сильнее человека по ту сторону стола. Это какой-то трюк, иначе быть не может, но от этого не становилось менее жутко.

— Время летит, Фил, — использовал латынь Человек-ответ.

Фил снова потряс головой.

— Хорошо. Я пытаюсь решить, стоит ли мне...

Человек, который знает всё, погрозил ему пальцем.

— Что я вам говорил про это слово?

Фил попытался упорядочить свои мысли. "Постановочный суд", — подумал он. — "Воспринимай это как инсценировку судебного заседания. Он — судья. Против твоей линии допроса было возражение. Как его обойти?"

— Вы отвечаете на вопросы о будущих событиях?

Человек-ответ закатил глаза.

— Мы уже это выяснили, разве нет? Я сказал, что со временем вы узнаете, точны и достоверны ли мои ответы. Такой ответ предполагает знание будущего. Для меня не существует ни будущего, ни прошлого. Всё происходит сейчас.

"Какой-то бред сивой кобылы", — подумал Фил. Тем временем черная стрелка на большом секундомере почти достигла отметки 3.

— Согласится ли Салли Энн выйти за меня замуж, когда я сделаю ей предложение?

— Да.

— Будем ли мы жить в Карри? В городке по дороге?

— Да.

Большая черная стрелка секундомера достигла отметки 3 и продолжила движение.

— Будем ли мы счастливы?

— Это обширный вопрос, и на него вы уже должны знать ответ, даже в таком юном возрасте. Будут взлеты, будут падения. Будут компромиссы и будут споры. Но в целом, да — вы будете счастливы.

"Каким-то образом он узнал девичью фамилию моей матери", — думал Фил. — "И имя Салли. Всё остальное — просто догадки циркового гадальщика. Но зачем? За какие-то жалкие двадцать пять долларов?"

— Время уходит, — напомнил Человек-ответ.

Тиканье огромного секундомера становилось громче с каждой минутой. Стрелка прошла отметку 3 и приближалась к 2. Фил не испытал облегчения от того, что сказал ему Человек-ответ, потому что это было то, что он хотел услышать, да ведь? И разве он уже не принял решение насчёт Карри? Не была ли вся эта история с "подвешенным состоянием из-за дилеммы" просто самоистязанием? А что касается Салли... разве он не знал, что она согласится выйти за него замуж, даже если он сделает переезд в сельскую местность Нью-Гэмпшира частью сделки? Не абсолютно точно, не на сто процентов, но процентов на девяносто?

Внезапно он сменил направление вопросов.

— Скажите, где родился мой отец. Если сможете.

И опять Человек-ответ не мешкался.

— Он родился в море, на корабле под названием "Мэрибель".

Фил снова почувствовал себя так, будто получил по челюсти. Это была старая семейная история, которой очень дорожили и которую часто пересказывали. Дедушка и бабушка возвращались в Америку после паломничества в Лондон, где родились и провели ранние годы их родители. Бабушка настояла на поездке, хотя к моменту их возвращения была на восьмом месяце беременности. Грянул шторм. Морская болезнь бабушки оказалась настолько сильной, что у нее начались схватки. На борту был врач, и он принял роды. Никто не ожидал, что малыш Джон выживет, но его завернули в вату, кормили из пипетки, и он выжил. Таким образом стало возможным появление Филипа Йегера Паркера, выпускника Гарвардской школы права.

Он снова хотел спросить, как человек по ту сторону стола, руки которого по-прежнему были аккуратно сложены, мог знать такие вещи, но не стал. Ответ был бы один и тот же: "Потому что я — Человек, который знает всё".

Вопросы заполнили его разум, как паникующая толпа, пытающаяся спастись из горящего здания. Стрелка секундомера достигла отметки 2 и прошла ее. Тиканье становилось громче.

Человек с ответами ждал, сложив руки.

— Будет ли Карри процветать так, как я представляю? — выпалил Фил.

— Да.

"Что еще? Что еще?"

— Отец Салли... и ее мать, полагаю... они примут нас?

— Да. Со временем.

— Сколько времени пройдет?

Человек-ответ, казалось, немного посчитал, пока стрелка его часов не достигла отметки 1. Он произнёс:

— Семь лет.

Сердце Фила упало. Семь лет — это целая вечность. Он мог сказать себе, что Человек-ответ взял это число с потолка, но больше не верил в это.

— Ваше время истекает, Просто Фил.

Он и сам это видел, но не мог придумать другого вопроса, кроме как "Сколько я проживу?" и связанный с ним вопрос "Сколько проживет Салли Энн?". Но желал ли он на самом деле знать ответы на эти вопросы? Нет.

Но ему не хотелось тратить оставшиеся сорок или пятьдесят секунд впустую, поэтому он задал единственный пришедший на ум вопрос:

— Мой отец говорит, что будет война. А я говорю, что её не будет. Кто из нас прав?

— Он.

— Америка будет в ней участвовать?

— Да.

— Как скоро мы в неё вступим?

— Через четыре года и два месяца.

У него оставалось около двадцати секунд, может, чуть больше.

— Я буду в ней участвовать?

— Да.

— Меня ранят?

— Нет.

Но это был неправильный вопрос. В нем оставалась лазейка.

— Меня убьют?

Большой секундомер достиг нуля и издал громкий БРРРЭНГ звук. Человек-ответ выключил его.

— Вы задали этот вопрос прямо перед сигналом, поэтому я отвечу. Нет, Просто Фил, вас не убьют.

Фил откинулся на спинку стула и выдохнул.

— Не знаю, как вы это сделали, сэр, но это было очень мощно. Должно быть, это была какая-то уловка и обман, вы как-то узнали, что я приеду сюда, и получили информацию обо мне, но вы определенно заслужили свои двадцать пять баксов.

Человек-ответ лишь улыбнулся.

— Но я сам точно не знал, куда поеду и по какой дороге... как же вы узнали?

Ответа не последовало. Конечно, нет. Его пять минут истекли.

— Знаете что? Я чувствую себя... странно. Как в тумане.

Мир, казалось, уходит из-под его ног. Человек с ответами всё еще сидел за столом, но словно отдалялся. Как будто по рельсам. Серость начала заполнять поле зрения Фила. Он поднес руки к глазам, чтобы протереть их, и серое стало черным.

* * *

Когда Фил пришел в себя, он сидел за рулем своего "Шевроле", припаркованного на обочине шоссе 111. Его часы показывали 13:20. "Я потерял сознание. Впервые в жизни, но разве не говорят, что всё когда-то случается в первый раз?"

Да, потерял сознание. Но сначала, слава Богу, остановился на обочине и заглушил двигатель. Вырубился он, скорее всего, от голода. В пятницу вечером он выпил шесть бутылок пива, и, наверное, в пиве содержались какие-то калории, но вчера и сегодня он почти ничего не ел, так что это было в определенной степени логично. Но когда теряешь сознание, а не просто спишь, видишь ли при этом сны? Потому что у него был просто потрясающий сон. Он помнил каждую деталь: красный зубчатый зонт, большой секундомер, седоватые волосы Человека-ответа. Он помнил каждый вопрос и каждый ответ.

Это был совсем не сон.

— Нет, — произнес он громко. — Нет, это был сон. Иначе быть не могло. Он знал девичью фамилию моей матери и место рождения моего отца в этом сне, потому что я сам знаю эти вещи.

Он вышел из машины и медленно пошел к тому месту, где сидел Человек с ответами. Стол исчез, стулья тоже, но на мягкой земле виднелись следы от них. Серость начала возвращаться, и он сильно ударил себя по щекам, сначала по одной, затем по другой. Затем стал топтать землю, пока не исчезли и следы.

— Этого не было, — сказал он пустой дороге и сверкающим деревьям. Затем повторил. – Ничего этого не было.

Он снова сел за руль, завел двигатель и выехал на шоссе. Он решил не рассказывать Салли Энн о потере сознания; это её встревожит, и она, наверняка, будет настаивать на визите к врачу. Это был просто голод, вот и всё. Голод и самый яркий сон в его жизни. Два гамбургера, кока-кола и кусок яблочного пирога приведут его в порядок, и он был вполне уверен, что в Оссипи, не далее чем в пяти милях отсюда, есть забегаловка.

У этого странного придорожного обморока было одно хорошее последствие. Нет, на самом деле два. Он сообщит ей, что собирается открыть свою контору в маленьком городке Карри. Отдаст ли она ему свою руку и сердце?

К черту родителей.

* * *

29 апреля 1938 года в Старой Южной церкви Бостона поженились Фил Паркер и Салли Энн Олбёртон. Тед Олбёртон вел свою дочь к алтарю. Этот шаг, на который он поначалу отказывался пойти, стал возможным благодаря дипломатичным действиям его жены и нежным уговорам дочери. Когда мистер Олбёртон оказался в состоянии спокойно подумать о предстоящем замужестве Салли, то понял, что есть еще одна причина совершить эту короткую прогулку до алтаря: бизнес. Джон Паркер был старшим партнером в фирме. Тед искренне не одобрял решения Фила отказаться от блестящего будущего ради жизни в глухом, провинциальном фермерском местечке, но нужно было думать о фирме. В предстоящие годы между партнерами не должно быть никаких трений. Поэтому он исполнил свой долг, но сделал это с каменным, хмурым лицом. Наблюдая за церемонией, Тед Олбёртон вспомнил две старые пословицы.

"Молодо — зелено, погулять велено" — была одна из них.

"Жениться на скорую руку да на долгую муку" — была другая.

* * *

Медового месяца не было. Родители Фила с неохотой открыли ему счет в трастовом фонде, положив туда тридцать тысяч долларов, и он был полон решимости не тратить их попусту. Через неделю после церемонии бракосочетания он открыл маленький офис рядом с заправкой "Суноко". На двери офиса висела табличка с надписью "ФИЛИП Й. ПАРКЕР, АДВОКАТ", сделанной его новоиспеченной женой. На его рабочем столе лежали телефон и ежедневник, страницы которого были пусты. Но они оставались пустыми недолго. В тот самый день, когда Фил открылся, в офис зашел фермер по имени Реджис Туми. Он был в рабочем комбинезоне и соломенной шляпе. Предсказания отца Фила в точности сбывались. Туми спросил, снимать ли ему свои грязные ботинки, но Фил сказал, что это необязательно.

— Думаю, вы заработали эту грязь честным трудом. Садитесь и расскажите мне, что вас сюда привело.

Туми сел. Он снял свою соломенную шляпу и положил ее на колени.

— Сколько вы берете? — его акцент был типичным для янки.

— Пятьдесят процентов от того, чего я для вас добьюсь. Если ничего не добьюсь — двадцать пять долларов. — Он не забыл маленькую табличку Человека с ответами и надеялся, что сможет ответить на вопросы самых разных людей. Начиная с этого человека.

— Справедливо, — сказал Туми. — Дело вот в чем. Банк хочет отобрать у меня ферму и продать ее с аукциона. — Снова прорезался акцент янки. — Но у меня имеется бумага... — Он вытащил ее из переднего кармана комбинезона и передал через стол. — ...в которой говорится, что у меня есть девяносто дней отсрочки. Человек из банка говорит, что это недействительно, если я не внес последний платеж.

— А вы внесли?

— Всё, кроме десяти долларов. Жена ушла за продуктами, и я остался без денег.

Фил не мог поверить своим ушам.

— То есть банк хочет отобрать у вас ферму из-за неуплаты десяти долларов?

— Человек из банка так говорит. Говорит, что они могут выставить ее на аукцион, но я подозреваю, что у них уже есть покупатель.

— Это мы еще посмотрим, — сказал Фил.

— У меня сейчас нет двадцати пяти долларов, адвокат Паркер.

Салли Энн вышла из другой комнаты с кофейником в руках. На ней было темно-синее платье и передник чуть светлее оттенка. Ее лицо, лишенное косметики, светилось. Светлые волосы были убраны назад. Туми лишился дара речи.

— Мы берем ваше дело, мистер Туми, — сказала она. — И поскольку это наше первое дело, не возьмем никакой платы, независимо от результата. Верно, Филип?

— Совершенно верно, — подтвердил Фил, хотя и рассчитывал на эти двадцать пять долларов. — Как зовут этого человека из банка?

— Мистер Латроп, — ответил Туми и сморщился, словно попробовал что-то кислое. — Из Первого банка. Он — главный кредитный специалист и отвечает за ипотеки.

В тот же день Фил явился в Первый банк Нью-Гэмпшира и поинтересовался у мистера Латропа, понравится ли его начальству статья в "Юнион Лидер"[70] о жестоком банке, в разгар Депрессии отобравшем у фермера имущество из-за каких-то жалких десяти долларов.

После дискуссии, часть которой была довольно горячей, мистер Латроп всё-таки прозрел.

— Я всё равно склоняюсь к тому, чтобы подать на вас в суд, — сказал Фил приятным голосом. — Недобросовестная деловая практика... моральный ущерб... финансовый обман...

— Это возмутительно, — гневно произнёс мистер Латроп. — Вам никогда не выиграть.

— Возможно, и нет, но банк проиграет в любом случае. Думаю, пятьсот долларов, переведенные на счет мистера Туми, закроют этот вопрос к взаимному удовлетворению обеих сторон.

Латроп поворчал, но деньги перевел. Туми предложил половину, но Фил — с согласия Салли Энн — отказался. Когда Туми стал настаивать, он взял двадцать пять долларов, думая при этом о Человеке-ответе.

Эта новость быстро разнеслась как по Карри, так и по окрестным городкам. Фил выяснил, что несколько банков практиковали такую же уловку с краткосрочными выплатами, чтобы лишить фермеров их хозяйств. В одном случае фермеру из соседнего Хэнкока не хватило двадцати долларов за три месяца до полного погашения ипотеки. Его ферму забрали и продали строительной компании за двенадцать тысяч долларов. Фил довел это дело до суда и вернул фермеру восемь тысяч. Не полное возмещение, но лучше, чем ничего, да и освещение в прессе было бесценно.

---

[70] "Юнион Лидер" — ежедневная газета Манчестера, крупнейшего города в штате Нью-Гэмпшир

К 1939 году его маленький офис был отремонтирован — появилась новая черепица и свежий слой краски. Как и лицо Салли Энн, он светился. Когда разорилась заправка "Суноко", Фил купил ее и взял на работу помощника, выпускника юридической школы. Салли Энн подобрала ему секретаршу (умную, но пожилую и неприметную), которая по совместительству выполняла функции администратора, помогая ему отбирать дела.

В 1941 году его бизнес был прибыльным. Будущее выглядело радужным. Затем, спустя четыре года и два месяца после встречи Фила с человеком, сидевшим под красным зонтом на обочине дороги, Япония атаковала Пёрл-Харбор.

* * *

Незадолго до свадьбы Салли Энн Олбёртон взяла Фила за руку и вывела его на задний двор дома Олбёртонов в Уэлсли[71]. Они сели на скамейку у пруда с золотыми рыбками, на котором совсем недавно растаяла корка льда. Щеки Салли пылали, и она избегала его взгляда, но была полна решимости высказать то, что у нее было на душе. Фил подумал, что в тот день она выглядела точь-в-точь, как её отец.

— Тебе нужно запастись "французскими письмами", — сказала она, уставившись на их сомкнутые руки. — Понимаешь, о чём я?

— Да, — ответил Фил. Ему также доводилось слышать их под названием "английские шапочки", а в студенческие годы — "непристойные мешочки". Он надевал такую штуку лишь однажды, во время похода в дом терпимости в Провиденсе. Это приключение до сих пор вызывало у него чувство стыда. — Но почему? Разве ты не хочешь...

— Детей? Конечно, я хочу детей, но только после того, как буду уверена, что нам не придется умолять моих родителей — или твоих — помочь нам. Мой отец этому бы только порадовался, и он выставит условия. Чтобы отговорить тебя от того, чем ты на самом деле хочешь заниматься. Я не могу этого допустить. Я этого не потерплю.

Она бросила на него быстрый взгляд, определяя его эмоциональную реакцию, затем снова опустила глаза на их сомкнутые руки.

— Есть такая штука для женщин, называется диафрагма, но если я попрошу доктора Грейсона, он расскажет всё моим родителям.

— Врачу запрещено так поступать, — заметил Фил.

— Но он все равно это сделает. Так что... "французские письма". Ты согласен?

Он хотел спросить её, откуда она вообще знает о таких вещах, но решил, что не желает этого знать; некоторые вопросы лучше не задавать.

— Согласен.

Наконец, она посмотрела ему в глаза.

---

[71] Городок в США в штате Массачусетс

— И покупай их в Портленде, Фрайбурге или Норт-Конвее. Подальше от Карри. Потому что люди болтливы.

Фил разразился хохотом.

— Хитруша!

— Когда надо, тогда и хитруша, — парировала она.

Его дело процветало, и несколько раз они с Салли Энн обсуждали, не выбросить ли эти "французские письма", но в первые годы Фил работал по фермерскому расписанию, то есть от рассвета до заката, часто бывал в судах, часто в разъездах, и идея завести ребёнка казалась ему скорее бременем, чем благословением.

7 декабря 1941 года.

— Я запишусь добровольцем, — сказал он Салли Энн в тот вечер. Они весь день слушали радио.

— Ты же можешь получить отсрочку. Тебе почти тридцать.

— Я не хочу отсрочки.

— Не хочешь, — согласилась она и взяла его за руку. — Конечно, не хочешь. Если бы хотел, я бы любила тебя меньше. Эти грязные, подлые япошки! А ещё...

— Что ещё?

Её ответ лишний раз его убедил — как и в случае с покупкой "французских писем" вдали от Карри, — насколько она пошла в своего отца.

— Кроме того, это будет плохо выглядеть. Пострадает бизнес. Тебя могут назвать трусом. Просто вернись ко мне, Фил. Обещай.

Фил вспомнил, что сказал ему Человек с ответами под красным зонтом в тот октябрьский день: "Не убьют и не ранят". Он не должен был верить в это, особенно спустя столько лет... но он верил.

— Обещаю. Железно.

Она обняла его за шею.

— Тогда пошли в постель. И забудь про эту проклятую резинку. Я хочу почувствовать тебя в себе.

Девять недель спустя Фил сидел в бараке на "Пэррис-Айленд"[72], потея и чувствуя боль в каждой мышце. Он читал письмо от Салли Энн. Она была беременна.

* * *

---

[72] Военная база США, расположенная в штате Южная Каролина на острове Пэррис

Утром 18 февраля 1944 года лейтенант Филип Паркер высадил свой отряд из 22-го полка морской пехоты на берег атолла Эниветок. Военно-морские силы США подвергли японцев трёхдневной бомбардировке, и разведка донесла, что вражеские силы сильно поредели. На этот раз, в отличие от большинства данных военно-морской разведки, это оказалось правдой. С другой стороны, никто не удосужился предупредить морпехов о крутых песчаных дюнах, которые им предстояло преодолевать после того, как их лодки Хиггинса[73] коснутся берега. Япошки ждали их, но они были вооружены винтовками, а не ужасными пистолетами-пулемётами "Намбу". Фил потерял шестерых из своих тридцати шести человек: двое были убиты и четверо ранены, только один серьёзно. Когда они добрались до вершины дюн, японцы растворились в густом кустарнике.

22-й полк морской пехоты продвигался на запад, встречая лишь разрозненное сопротивление. Один из людей Фила был ранен в плечо, другой упал в яму и сломал ногу. Это были единственные потери его отряда после высадки.

— Лёгкая прогулка по парку, — заметил сержант Майерс.

Когда они добрались до океана на дальней стороне атолла, Фил получил по рации сообщение из наспех созданного штаба морской пехоты, устроенного на другой стороне дюн, где они понесли наибольшие потери. С юга ещё доносилась разрозненная стрельба, но она стихала, пока они обедали. "Пикник на берегу моря", — подумал Фил. — "Кто бы мог подумать, что война может быть даже приятной?"

— Что там слышно, лейтенант? — спросил Майерс, когда Фил убрал рацию в кобуру.

— Джонни Уокер говорит, что остров под контролем, — ответил Фил. Он имел в виду полковника Джона Т. Уокера, который руководил этой небольшой операцией вместе со своим коллегой, полковником Расселом Айерсом.

— Не похоже, что всё под контролем, — сказал рядовой первого класса Молоки, кивая на юг.

Однако, к 15:00 стрельба совсем стихла. Фил ждал приказа, не получал его, выставил трёх часовых на краю зарослей и разрешил остальным солдатам отдыхать до дальнейших распоряжений. В 20:00 им приказали собраться и двигаться на восток, чтобы присоединиться к основным десантным силам. Началось ворчание по поводу того, что придётся пробираться в темноте через густые заросли, но приказ есть приказ, и они отправились в путь. После того как рядовой Франкленд сломал ногу в еще одной яме, а рядовой Гордон едва не лишился глаза, наткнувшись на дерево, Фил связался по рации со штабом и запросил разрешения разбить лагерь на ночь из-за сложной местности.

— Гребанно сложной — так точнее, — вставил свое словечко рядовой первого класса Молоки.

Разрешение было получено. Они разбили лагерь под сеткой, но комаров она не остановила.

[73] Эндрю Хиггинс — предприниматель из Нового Орлеана, организовавший массовое производство десантных катеров

— По крайней мере, земля сухая, — сказал Майерс. — У меня была окопная стопа[74], и это не для слабаков.

Фил уснул под звуки шлепков своих солдат и стоны рядового Франкленда, который лежал со сломанной ногой. Он проснулся перед самым рассветом, увидев, что к северу от их маленького лагеря сквозь сумрак движутся силуэты. Сотни силуэтов. Позже он узнал, что атолл Эниветок был весь усеян паучьими норами[75]. Вероятно, Франкленд сломал ногу в одной из них; японский пехотинец мог лежать на дне, поглядывая, как Ренгелл и сержант Майерс вытаскивали его оттуда.

Майерс положил руку на плечо Фила и прошептал:

— Ни слова, ни звука. Они могут нас не заметить. Мне кажется...

В этот момент один из морпехов закашлялся. Перекрёстные огни прорезали серое утро — ещё более серое под навесом — и выхватили горбатые фигуры, закутанные в москитные сетки. Началась стрельба. Шесть морпехов были убиты во сне. Ещё восемь — ранены. Только один морпех успел сделать выстрел. Майерс обнял Фила, Фил обнял Майерса. Они слушали, как пули свистят над головой, и несколько из них ударили в землю рядом. Затем раздалась резкая команда на японском (прозвучала как "дзенпо, дзенпо"), и японцы рванули дальше, продираясь сквозь кустарник.

— Они контратакуют, — сказал Фил. — Это единственная причина, почему нас не добили.

— Их цель — штаб? — спросил Майерс.

— Скорее всего. Давай. Ты, я и все остальные, кто не ранен.

— Ты спятил, — сказал Майерс. Его зубы сверкнули, а губы разошлись в ухмылке. — Мне это нравится.

Фил насчитал только шестерых, кто побежал за японцами; возможно, было ещё один-два человека. Впереди снова началась стрельба, сначала редкая, затем непрерывная. Взрывались гранаты, и Фил услышал стрекот страшного "Намбу". К нему присоединились другие пулемёты. Три? Четыре?

Оставшиеся морские пехотинцы из отряда Фила вырвались из зарослей и увидели дальнюю сторону дюн, доставивших им столько хлопот накануне. Она кишела японскими солдатами, направлявшимися к слабо защищённому штабу, но люди Фила были позади них.

Один тучный японец — возможно, единственный толстячок во всей японской армии, как позже подумал Фил — немного отстал от своих товарищей. Он нёс пистолет-пулемёт "Намбу" и был обвешан патронными лентами. Чуть впереди него находился ещё один, более худой пулемётчик.

Фил выхватил нож и бросился на грузного солдата. Если он сможет заполучить этот пулемёт, то нанесёт немалый урон врагу. Возможно, даже значительный. Он вонзил нож в затылок японца.

---

[74] "Траншейная" или "окопная" стопа — это холодовое поражение ног, возникающее при постоянном ношении промокшей обуви и носков в холодную погоду в течение нескольких дней

[75] "паучья нора" или "паучья щель" — замаскированный окоп для снайпера

Это было его первое убийство, но в пылу момента это не осознавалось. Японец взвизгнул и рухнул вперёд. Худосочный пулемётчик впереди него обернулся, поднимая своё оружие.

— Лейтенант! Ложись! Ложись! — заорал Майерс.

Но Фил не бросился на землю, потому что в этот момент он вспомнил о Человеке-ответе. "Буду ли я ранен?" — спросил он. Человек, который знает всё, ответил, что нет, но Фил тогда понял, что задал неправильный вопрос. Он задал правильный прямо перед тем, как истекли его пять минут. "Буду ли я убит?" И ответ был: "Нет, Фил, вас не убьют".

В этот момент на Эниветоке он поверил в это. Возможно, потому что Человек-ответ знал девичью фамилию его матери и место рождения его отца. А возможно, потому что у него не было другого выбора. Худосочный японец открыл огонь из своего "Намбу". Фил успел заметить, как Майерс отшатнулся, окутанный облачком крови. Дестри и Молоки рухнули по обе стороны от него. Он слышал, как пули свистят около его головы. Он чувствовал, как что-то дергает его за штаны и рубашку, словно кусает игривый щенок. Позже он насчитает более дюжины дыр в своей одежде, но ни одна пуля не попала в него и даже не зацепила.

Он открыл огонь из захваченного "Намбу" слева направо, сбивая японских солдат, как живые кегли. Другие обернулись, на мгновение ошеломлённые неожиданной атакой с тыла, а затем открыли ответный огонь. Пули вонзались в землю перед Филом, осыпая его ботинки песком. Ещё больше пуль рвали его одежду. Он услышал, что как минимум двое из его людей стреляют в ответ. Он выдернул ещё одну патронную ленту из мёртвого япошки у своих ног и снова открыл огонь, не чувствуя двадцатифунтового веса "Намбу", не осознавая, что пулемёт нагревается, не замечая, что он кричит.

Теперь американцы отвечали огнём с другой стороны дюны; Фил определил это по звуку выстрелов из карабинов. Он наступал, продолжая вести огонь. Перешагивал через мёртвых японских солдат. "Намбу" заклинило. Он отбросил его в сторону, наклонился, и пуля срикошетила от его шлема, отправив его в полёт. Фил даже не заметил этого. Он поднял другой пулемёт и снова начал стрелять.

Он осознал, что рядом с ним снова был Майерс, половина лица которого была залита кровью, а кусок скальпа болтался и раскачивался на ходу.

— Да, сукины дети! — кричал он. — Да, сукины дети, добро пожаловать в Америку!

Это было настолько безумно, что Фил начал смеяться. Он всё ещё смеялся, когда они взобрались на вершину дюны. Он отбросил "Намбу" и поднял обе руки.

— Морпехи! Морпехи! Не стреляйте! Морпехи!

Контратака — если её можно так назвать — завершилась. Сержант Рик Майерс был награждён Серебряной звездой (по его словам, он предпочёл бы вернуть своё правое око). Лейтенант Филип Паркер стал одним из 473 награждённых Медалью Почёта[76] во время Второй мировой войны, и хотя он не был ранен, война для него закончилась. Один фотограф сделал снимок его изрешеченной пулями рубашки, сквозь которую светило солнце, и этот снимок попал во все

[76] Медаль Почёта — высшая военная награда США

газеты на родине, которую боевые морпехи называли "миром". Он стал настоящим героем и остаток своей службы провёл в Америке, выступая с речами и продавая военные облигации[77].

Тед Олбёртон обнял его и назвал воином. Назвал сыном. Фил подумал: "Как же смешон этот человек". Но он ответил на объятие, чувствуя, что топор войны зарыт.

Он встретился со своим сыном, которому было почти три года.

* * *

Иногда по ночам, лежа рядом со спящей женой, Фил вспоминал худосочного японского солдата, который услышал предсмертный крик своего товарища. Он видел, как тощий солдат повернулся. Видел его широко раскрытые карие глаза под полевой фуражкой, шрам в форме рыболовного крючка рядом с глазом. Такой шрам тот мог получить в детстве. Видел, как худосочный солдат открыл огонь. Он помнил звук пуль, свистящих вокруг него. Помнил, как некоторые из этих пролетающих пуль игриво дергали его за одежду, словно не были смертоносными снарядами или, что ещё хуже, приносили увечья на всю жизнь. Он думал о том, как был уверен в своей неуязвимости благодаря — назовём это так, как оно было — пророчеству Человека-ответа. И в такие ночи он задавался вопросом, видел ли человек под красным зонтом будущее... или же создавал его. На этот вопрос Фил не находил ответа.

2

Во время своих поездок по продаже военных облигаций, которые включали в себя выступления в штатах Новой Англии, а иногда и в Нью-Йорке, Фил имел возможность беседовать со многими солдатами, прошедшими службу, и выслушать множество историй о трудностях возвращения домой. Один бывший морской пехотинец выразился лаконично: "Поначалу, после четырех лет разлуки, мы были, как незнакомцы, спящие вместе". Филу и Салли Энн удалось избежать этой неловкой фазы, возможно, потому что они выросли вместе с детства. Физическая любовь между ними возникла естественным образом. Однажды, в момент их взаимного оргазма, Салли Энн обессиленно произнесла: "О, мой герооой", и они оба разразились смехом.

Джейкоб сначала стеснялся его, прижимаясь к матери и испуганно поглядывая на высокого мужчину, внезапно вошедшего в их жизнь. Когда Фил пытался взять его на руки, мальчик сопротивлялся, иногда плача. Он убегал к матери, цеплялся за её ногу и с опаской таращился на незнакомца, которого должен был называть папой.

Однажды вечером, когда Джейк сидел между ног матери и играл с кубиками, Фил сел напротив него и покатил ему теннисный мяч. Он ничего не ожидал, поэтому был в восторге, когда Джейк покатил его обратно. Так мячик ходил туда-сюда. Салли Энн даже отложила книгу. Фил подбросил мяч с небольшим отскоком. Джейк протянул руки и поймал его. Когда Фил засмеялся, Джейк засмеялся вместе с ним. После этого эпизода между ними всё наладилось. Даже лучше. Фил любил в своём сыне всё — его голубые глаза, каштановые волосы, крепкое тело. Но больше всего ему нравились способности маленького мальчика. Он не мог

[77] Военные облигации — долговые ценные бумаги, выпущенные правительством в целях финансирования военных операций во время войны

представить, кем станет Джейк, да и не хотел этого. "Пусть это будет сюрпризом", — подумал он.

В один из вечеров 1944-го Джейк отказался, чтобы мама взяла его на руки и уложила спать. "Хочу к папе", — сказал он. Может, это не был самый лучший вечер в жизни Фила, но он не мог вспомнить лучше его.

* * *

"Будет ли Карри процветать так, как я представляю?" — спросил он в тот далекий день, который показался сном (хотя он до сих пор помнил каждый заданный вопрос и каждый полученный ответ). Человек, который знает всё, ответил утвердительно и в этом тоже оказался прав. Отчасти благодаря своей славе морского пехотинца, награждённого Медалью Почёта, но в основном потому, что запрашивал справедливую цену за свои услуги и был хорош в своём деле ("умный засранец", — говорили местные), в послевоенные годы у Фила Паркера стало больше клиентов, чем он мог управиться.

Помощник, которого он взял на работу в 1939 году, погиб при бомбардировке Гамбурга, поэтому Фил нанял нового сотрудника, потом второго, а затем — по настоянию Салли — молодую женщину. Это вызвало недовольство среди старых янки Карри, но к 1950 году в городе появились новые люди с новыми идеями и деньгами. В соседнем городке Паттен был построен торговый центр; Фил и его помощники занимались юридической деятельностью и получали хорошую прибыль. В Карри на месте пятикомнатной начальной школы построили совершенно новую восьмикомнатную. Фил купил старое здание за бесценок, и оно стало его новым офисом: "Фил Паркер и партнеры". Олбёртоны часто навещали свою дочь, внука... и, конечно же, героя войны. Фил был совершенно уверен, что Тед в конце концов убедил себя, что он всегда поддерживал дальновидное решение своего зятя переехать в процветающий Карри.

Фил смог забыть старые обиды на тестя из-за яростной и безусловной любви Теда к Джейку. На шестой день рождения мальчика Тед подарил ему маленькую бейсбольную перчатку и играл с ним, подбрасывая мячик, на заднем дворе до тех пор, пока не стемнело и Салли Энн не пришлось загнать их обоих домой на ужин.

Несмотря на загруженность работой, Фил всегда старался вернуться домой до наступления темноты, чтобы поиграть с сыном в мяч. К восьми годам мальчика они уже стояли на расстоянии тридцати, а потом и сорока футов друг от друга, бросая мяч, как настоящие бейсболисты.

— Давай, пап! — кричал Джейк. — Бросай изо всех сил!

Поначалу Фил поддавался и бросал мяч не так сильно, как мог бы, не для восьмилетнего мальчика, но постепенно увеличивал скорость своих бросков. По выходным дням весной и летом они вдвоём слушали по радио матчи "Ред Сокс". Иногда все втроём.

В один ноябрьский день, после того как они наигрались в бейсбол в двухдюймовом слое снега, Салли Энн отвела Фила в сторону.

— Ты играл в бейсбол в детстве? А то я не помню, чтобы ты играл.

Фил покачал головой.

— Иногда после школы, но нечасто. Я был хорошим полевым игроком, но отбивать ни черта не умел. Парни прозвали меня Мазила Паркер.

— Я тоже никогда не занималась спортом, но Джейк... он действительно хорош, или это просто моё воображение и материнская гордость?

— Да, он хорош. Не могу дождаться, когда возьму его на первую игру "Сокс".

Это случилось в 1950 году. Они сидели на трибунах: Фил с одной стороны, Тед с другой, а мальчик между ними, глядя на зелёное поле "Фенуэй Парка"[78] широко раскрытыми глазами и позабыв о пакете попкорна на коленях.

Тед наклонился к нему и сказал:

— Может, когда-нибудь ты тоже окажешься там, Джейк.

Джейк поднял глаза на своего деда и улыбнулся.

— Я знаю, что там буду, — сказал он.

* * *

В один не по сезону тёплый октябрьский день 1951 года Фил заехал в новый магазин "Вестерн Авто" в Норт-Конвее, закупился там и поехал домой по шоссе 111 с подарком для всей семьи в багажнике — телевизором "Зенит", модель "Регент" с круглым экраном. Он также купил "кроличьи уши" для приёма, но с антенной они, вероятно, смогут ловить бостонские станции. Он подумал, что Джейк сойдет с ума от счастья при мысли о том, что теперь сможет смотреть "Всадника прерий"[79], а не слушать его по радио.

Но на уме у него было кое-что ещё, возможно, более важное, чем новый телевизор. С утра он побеседовал с человеком по имени Блейлок Атертон — республиканцем, возглавлявшим сенат штата Нью-Гэмпшир. Сенатор Атертон был деятельным и энергичным человеком с большими планами и целями, и разговор с ним был действительно интересным. Фил думал о том, как обсудит это с Салли Энн, когда промчался мимо ярко-жёлтого знака, укрепленного на палке у обочины. Надпись "2 МИЛИ ДО ЧЕЛОВЕКА, КОТОРЫЙ ЗНАЕТ ВСЁ" вызвала яркие воспоминания.

"Это не может быть он, особенно после стольких лет", — подумал Фил. Но в глубине души знал, что это он.

Сразу за чертой города Карри он миновал другой знак, на этот раз цвета электрик, сообщавший, что Человек-ответ находится в миле впереди. Фил поднялся на холм на окраине города. В двухстах ярдах впереди он увидел красный зонтик. На этот раз Человек-ответ устроился на большой поляне неподалеку от новой начальной школы. Через год или около того там будет стоять Добровольная пожарная станция Карри.

---

[78] Фенуэй Парк — бейсбольный стадион возле Кенмор-сквера в Бостоне, штат Массачусетс
[79] "Всадник прерий" — американский вестерн-телесериал, который транслировался в синдикации с 1951 по 1953 год

С бешено бьющимся сердцем, забыв про новый телевизор и Блейлока Атертона, Фил съехал с дороги и вышел из машины. Его старый "Шевроле" давно приказал долго жить. Он захлопнул дверь своего нового "Бьюика" и на мгновение замер, поражённый увиденным. Ошеломлённый увиденным.

Фил постарел, Человек-ответ — нет. Он выглядел точно так же, как в тот октябрьский день четырнадцать лет назад. Его редеющие волосы не поредели. Глаза остались такими же ярко-голубыми. Белая рубашка, серые брюки, чёрные туфли — всё, как прежде. Его руки с длинными пальцами были сложены на столе, как и раньше. Изменились только надписи на табличках по бокам от центральной таблички, провозглашавшей его Человеком-который-знает-всё. На левой было написано: "50 ДОЛЛАРОВ ЗА 3 МИНУТЫ", на правой: "ПЕРВЫЙ ОТВЕТ БЕСПЛАТНО".

"Похоже, даже магия не защищена от инфляции", — подумал Фил. Тем временем Человек-ответ смотрел на него с живым интересом.

— Я вас знаю? — спросил он, а затем захихикал. — Не отвечайте! Человек-ответ здесь я. Просто дайте мне подумать. — Словно существо из сказки, он приложил палец к одной стороне носа. — Вспомнил. Вы — Просто Фил. Вы желали узнать, выйдет ли ваша девушка за вас замуж, хотя знали, что так оно и будет, и переедете ли вы жить в ту маленькую деревню, хотя знали ответ и на этот вопрос.

— Это были бесполезные вопросы, — сказал Фил.

— Да, были. В самом деле. Присаживайтесь, Просто Фил. Если, конечно, пожелаете иметь со мной дело. Если нет, то вы, естественно, вольны идти своей дорогой. Свобода — вот что делает Америку великой. Так во всяком случае говорят.

Неподалёку прозвучал громкий звонок. Двери новой начальной школы распахнулись. Вопящие дети с ранцами для книг и пакетами для ланча вырвались наружу, словно от взрыва. Среди них, несомненно, был его сын, хотя в общей суматохе Фил не мог его выделить — многие мальчишки носили кепки с символикой "Ред Сокс". Два школьных автобуса были готовы принять тех, кто жил более чем в миле от школы.

Фил сел на стул клиента. Он хотел было спросить, является ли этот странный придорожный торговец ответами человеком или каким-то сверхъестественным существом, но, должно быть, за время между двадцатью пятью и тридцатью девятью годами он кое-чему научился, поэтому закрыл рот, прежде чем успел потратить свой бесплатный вопрос. Разумеется, Человек-ответ не был человеком. Ни один человек на свете не изменился бы за четырнадцать лет, и ни один человек не мог бы знать, что Фил выживет после пулемётного обстрела практически в упор на Эниветоке.

Вместо этого он произнес:

— Похоже, ваши цены подросли.

— Для некоторых людей, — молвил на это Человек-ответ.

— Значит, вы знали, что я приеду.

Человек-ответ улыбнулся.

— Вы пытаетесь получить информацию, делая утверждения. Я в курсе этого трюка.

"Еще бы", — подумал Фил. — "Ты в этом собаку съел".

Мимо места будущей пожарной станции проходили дети, и хотя дети по природе своей любопытны, те немногие, кто смотрел на пустырь, без интереса отводили взгляд.

— Они ведь нас не видят?

— Ещё один вопрос, на который вы знаете ответ, мой друг. Само собой, не видят. Реальность имеет складки, и мы сейчас находимся в одной из них. Это был ваш бесплатный вопрос. Если желаете задать другие, придётся заплатить. И, кстати, я не принимаю чеки.

Чувствуя себя как во сне, Фил достал бумажник из заднего кармана. В нём лежали три двадцатки и десятка (там еще была сотка на крайний случай, спрятанная за водительскими правами). Он отдал Человеку с ответами десятку и две двадцатки, и они мгновенно исчезли. Тот поднял свою маленькую сумку — ту же самую — и достал из нее тот же самый огромный секундомер. На этот раз цифры шли только от 0 до 3, но при заводке секундомер издал тот же звук трещотки.

— Надеюсь, вы готовы, Просто Фил.

Он подумал, что готов. На этот раз не было никаких дилемм, он был вполне доволен текущим ходом собственной жизни, но, как и все люди, был любопытен относительно будущего.

— Я готов. Начнём.

Человек-ответ вел себя так же, как в тот день в 1937 году.

— Тогда начинаем. — Он нажал на рычаг на задней стенке своих больших часов. Они затикали, и одинокая стрелка начала своё движение от 3 к 2.

Фил вспомнил свой разговор с Блейлоком Атертоном — не предложение, но возможность. Пробный шар.

— Если меня попросят, стоит ли мне баллотироваться...

Человек-ответ предостерегающе поднял палец.

— Вы забыли, что я говорил вам об этом слове? Я — Человек-ответ, а не служба психологической помощи.

Фил не то чтобы забыл; он просто привык задавать подобные вопросы. Бесполезные вопросы, на самом деле.

— Хорошо, вот мой вопрос. Буду ли я баллотироваться в Сенат США?

— Нет.

— Нет?

— Ответ не изменится, даже если вы переспросите снова. Между тем время летит.

— Это потому, что Салли не захочет, чтобы я баллотировался?

— Нет. — Одинокая стрелка на часах прошла отметку 2.

— Атертон собирается предложить эту возможность кому-то другому?

— Да.

— Вот ублюдок, — сказал Фил, но действительно ли это было разочарованием? Да, но не таким уж большим. У него была юридическая практика, и она по-прежнему приходилась ему по душе. К тому же, он не был в восторге от идеи покинуть Нью-Гэмпшир ради Вашингтона; он был деревенским мышонком и, наверное, всегда им останется.

Как и четырнадцать лет назад, Фил сменил направление вопросов.

— Понравится ли телевизор Салли и Джейку?

— Да. — На лице Человека-ответа мелькнула быстрая улыбка.

Подумав о Джейке, Фил решил задать еще один вопрос про него. Он вырвался из его уст, прежде чем Фил успел осознать, хочет ли он вообще знать ответ.

— Будет ли мой сын играть в бейсбол на профессиональном уровне?

— Нет.

Стрелка на часах миновала отметку 1 и устремилась к нулю.

— Будет профи в другом виде спорта?

— Нет.

Это разочаровало сильнее, чем ответ о том, что ему не предложат баллотироваться в Сенат, но разве такое должно удивлять? Нет. Спорт — это пирамида, и только те, кто божественно талантлив, достигают вершины.

— Бейсбол на уровне колледжа? — Наверняка, это было в пределах возможностей Джейкоба.

— Нет.

Как азартный игрок в казино на проигрышной полосе, который продолжает ставить деньги, Фил спросил:

— Школьный бейсбол? Наверняка...

— Нет.

Фил уставился на Человека с ответами, озадаченный и начинающий волноваться. Начинающий бояться, если честно. "Не спрашивай больше", — подумал он, и тут ему на ум пришла одна из любимых поговорок матери: "Не заглядывай в замочную скважину, дабы не огорчаться".

Стрелка на часах Человека-ответа достигла нуля и издала хриплый звук БРРРЭНГ как раз перед тем, как Фил задал последний вопрос:

— С моим сыном всё будет в порядке?

— Я не могу ответить на этот вопрос, извините. Вы чуточку опоздали, Просто Фил.

— Опоздал?

Ответа не последовало. Конечно, нет. Его время истекло.

— Да, наверное, опоздал. Ладно, попробую еще раз. Я же могу это сделать? — Ответа не было, поэтому Фил ответил сам себе. — Могу, конечно, могу. На табличке написано: за три минуты. — Он наклонился и вытащил сотню, лежавшую за водительскими правами. — Просто дайте мне... хорошо, вот она...

Он поднял голову и увидел, что на табличках теперь было написано "200 ДОЛЛАРОВ ЗА 3 МИНУТЫ" и "БЕСПЛАТНЫХ ОТВЕТОВ НЕТ".

— Подождите, — сказал он. — Здесь было написано по-другому. Вы меня обманули.

Как и прежде — ну, или почти — Человек-ответ сказал:

— Возможно, вы сами себя обманули.

И как прежде, Человек-ответ стал отдаляться, словно на рельсах. Начала наступать серость. Фил боролся с ней, но безуспешно.

Он очнулся за рулем "Бьюика", услышав стук в окно с пассажирской стороны.

— Пап? Папа, проснись!

Он огляделся, сначала не понимая, где находится. Или в каком времени. Затем увидел своего сына, вглядывающегося в окно. С ним был его друг Гарри Уошберн, оба были в одинаковых кепках "Ред Сокс". Это помогло Филу сориентироваться. Сейчас не 1937 год, а 1951. И он уже не молодой человек, недавно получивший диплом юриста, а ветеран войны, достаточно значимый в этой части Нью-Гэмпшира, чтобы считаться достойным и реальным кандидатом в Сенат США. Муж. Отец.

Он наклонился и открыл дверь.

— Привет, малыш. Кажется, я задремал.

Джейк не проявил интереса к этому.

— Мы опоздали на автобус, потому что играли в "перец"[80] за школой. Отвезешь нас домой?

— Что бы вы делали, если бы меня здесь не было?

— Пошли бы пешком, канешн, — ответил Джейк. — Или попросили бы миссис Кин нас подвезти. Она добрая.

---

[80] разновидность игры в бейсбол

— И красивая, — добавил Гарри.

— Ну что ж, садитесь. Я купил кое-что в Норт-Конвее, что может вам, ребятам, понравиться.

— Правда? — Джейк сел спереди, Гарри — сзади. — Что же?

— Сами увидите. — Фил посмотрел на то место, где стояли стол и зонтик Человека-ответа. Он заглянул в бумажник и увидел сотенную купюру, сложенную за водительским удостоверением. Если только всё это не было сном — а он знал, что это было наяву, — то, наверное, Человек-ответ вернул купюру обратно. Или, может, он сам её туда положил.

Он поехал домой.

* * *

Телевизор произвёл настоящий фурор. "Кроличьи уши" принимали только WMUR из Манчестера (изображение иногда — ладно, часто — было с рябью), но когда Фил установил антенну, Паркеры поймали два бостонских канала, WNAC и WHDH.

Фил и Салли наслаждались вечерними шоу, такими как "Час Реда Скелтона"[81] и "Театр Шлица"[82], но Джейк не просто наслаждался телевизором; он влюбился в него с пылом первой любви. После школы он смотрел "Уикдей Матиней", где всю неделю показывали один и тот же старый фильм. Смотрел "Кантри-Джембори Джека и Пэта"[83]. Смотрел "Бостон Блэки"[84]. Смотрел рекламу сигарет "Кэмел" и чистящего средства "Баб-О". По субботам он собирался со своими друзьями, как в церкви, чтобы смотреть "Кролика-крестоносца"[85], "Маленьких негодяев" и тысячи других старых мультфильмов.

Поначалу Салли Энн это забавляло, но потом она начала тревожиться не на шутку.

— Он подсел на эту штуковину, — сказала она, даже не подозревая, что этот родительский страх будет повторяться еще многими поколениями. — Он больше не играет с тобой в мяч, когда ты приходишь домой, только хочет смотреть какой-то старый дешевый фильм про Хопалонга Кэссиди[86], который видел уже четыре раза.

На самом деле, Джейк иногда хотел поиграть в бейсбол с отцом, но такие эпизоды случались всё реже и реже. В дотелевизионные дни Джейк ждал бы отца на крыльце с перчаткой и битой наперевес.

Правда заключалась в том, что Фила не так сильно беспокоила потеря интереса сына, как это волновало Салли. Когда Человек-ответ сказал ему, что Джейк не будет никогда играть в профессиональный бейсбол — даже в старших классах, — его мысли сначала нарисовали (как и мысли любого родителя) мрачную и ужасную картину. Теперь же казалось, что причина была

---

[81] Ред Скелтон — американский комедиант и актёр, наиболее известный по своим радио— и телешоу периода 1937—1971 годов

[82] "Театр звезд Шлица" — сериал-антология, который транслировался с 1951 по 1959 год на канале CBS

[83] телепередача кантри-музыки

[84] детективный телесериал

[85] "Кролик-крестоносец" — сериал про кролика-крестоносца, который встречает на своём пути различных пародийных персонажей и дружит с флегматичным добродушным тигром

[86] Хопалонг Кэссиди — вымышленный ковбой, главный герой рассказов американского писателя Кларенса Эдварда Мулфорда

более прозаичной: Джейк просто терял интерес к бейсболу, как сам Фил в свое время потерял интерес к обучению игре на пианино, когда был примерно в возрасте Джейка.

Вдохновленный такими телесериалами, как "Одинокий рейнджер"[87] и "Дикий Билл Хикок"[88], Джейк начал писать собственные вестерн-рассказы. Каждый из них сопровождался восклицательным знаком и носил такие названия, как "Пальба в Ларами!" и "Перестрелка в каньоне Мертвеца!" Они были аляповатыми, но не такими уж плохими... по крайней мере, по мнению отца автора. Возможно, когда-нибудь он станет писателем, а не аутфилдером в "Бостон Ред Сокс". Фил считал, что это было бы замечательно.

Однажды вечером позвонил Блейлок Атертон и спросил, не надумал ли Фил баллотироваться в Сенат, возможно, не в этот раз, но как насчет 1956 года? Фил ответил, что рассматривает такую возможность. Он сказал Атертону, что Салли Энн не была в восторге от этой идеи, но заверила, что поддержит любое его решение.

— Ну, не раздумывайте слишком долго, — сказал Атертон. — В политике нужно думать наперед. Время — это такая штука, оно летит.

— Я это уже слышал, — ответил Фил.

* * *

В одно субботнее утро в феврале 1952 года Гарри Уошберн вошел в домашний кабинет Фила, где тот просматривал показания свидетелей для предстоящего судебного процесса. Фил с тревогой заметил кровавую полоску на одной из веснушчатых щек Гарри и ещё больше крови на его руках.

— Ты поранился, Гарри?

— Это не моя кровь, — ответил Гарри. — У Джейка идет кровь из носа, и она не останавливается. Его футболка с Роем Роджерсом[89] вся в крови. Сверху донизу.

Фил решил, что это преувеличение, пока не увидал всё сам. На круглом экране телевизора "Зенит" Энни Оукли[90] перестреливалась с каким-то плохим парнем, но никто из четырех или пяти мальчишек не обращал на это внимания, все смотрели только на Джейка. Его любимая футболка — субботняя футболка для просмотра ковбойских фильмов — действительно была вся пропитана кровью. Также был залит кровью и верх его джинсов.

Джейк посмотрел на отца и промолвил:

— Она не останавливается. — Его голос был глухим и гнусавым.

Фил велел остальным мальчикам смотреть ТВ-шоу, всё в порядке, всё в ажуре. Он старался говорить спокойно, но количество крови, которое он увидел, сильно его напугало. Он отвел

---

[87] Одинокий рейнджер — персонаж американских вестернов, носящий маску и непримиримый борец с беззаконием техасский рейнджер
[88] Дикий Билл Хикок — американский герой Дикого Запада, известный стрелок
[89] Рой Роджерс — американский актёр, ковбой и певец
[90] Энни Оукли — американская женщина-стрелок, прославившаяся своей меткостью на представлениях Буффало Билла

Джейка на кухню, усадил его и велел откинуть голову назад, затем наполнил кухонное полотенце кубиками льда и приложил его к верхней части носа мальчика.

— Держи так, Джейки. Она остановится.

Салли Энн вернулась из магазина, увидела пропитанную кровью футболку Джейка и сделала вдох, чтобы закричать. Фил покачал головой, и она не стала. Опустившись на колени рядом с сыном, она спросила, что случилось.

— Кто-то из твоих друзей ударил тебя по носу, когда вы играли в ковбоев?

— Нет, просто сама пошла. На полу тоже кровь, но я не испачкал твой голубой ковер.

— На меня тоже попала, — сказал Сэмми Диллон. Он и Гарри зашли на кухню. Остальные мальчики стояли за ними. — Но я смыл её.

— Это хорошо, Сэмми, — сказала Салли Энн. — Ребята, я думаю, вам лучше сейчас пойти домой.

Они охотно согласились, задержавшись лишь у дверей кухни, чтобы напоследок взглянуть на своего окровавленного друга. Когда они ушли, Салли Энн наклонилась к сыну и прошептала Филу.

— Мне кажется, она не останавливается.

— Остановится, — сказал Фил.

Но не остановилась. Поток уменьшился с первоначального пропитывающего рубашку, но продолжал сочиться. Семейный врач Паркеров был в отпуске, поэтому они отвезли Джейка в больницу в Норт-Конвее, где дежурный врач Ричмонд заглянул Джейку в нос, посветив фонариком, и кивнул.

— Мы это мгновенно исправим, молодой человек. Мама и папа подождут снаружи, пока мы займемся делами.

Салли хотела остаться, но Фил, понимая, какая предстоит процедура, взял её за руку и решительно вывел в приёмную, закрыв за собой дверь. Это совершенно не помогло, потому что, когда Джейку прижигали нос, его вопли заполнили всю маленькую больницу от конца до края. Фил и Салли Энн обнялись, плача и ожидая, когда прекратится этот кошмар. В конце концов, он прекратился... и не прекратился.

Вышел доктор Ричмонд, один лацкан его белого халата был испачкан кровью Джейка. Он улыбнулся и произнёс:

— Смелый малыш. Удовольствия было мало. Могу я минутку поговорить с твоими родителями, Джейкоб?

Он отвёл их в смотровую комнату.

— Вы видели у него синяки?

— Конечно, несколько на его руках, — сказал Фил. — Он мальчик, доктор Ричмонд. Наверное, получил их, лазая по деревьям.

— И на груди тоже. Задира, да?

— Нет, не совсем, — ответил Фил. — Он иногда дерется со своими друзьями, но это всё в шутку.

— Я хочу сделать анализ крови, — сказал доктор Ричмонд. — Просто чтобы исключить варианты...

— Боже мой, — сказала Салли Энн. Позже она скажет Филу, что всё поняла в этот момент.

— Проверим уровень его лейкоцитов и тромбоцитов. Исключим что-либо серьёзное.

— Док, это было просто носовое кровотечение, — сказал Фил.

— Приведи его обратно, Фил, — попросила Салли Энн. У неё был белый оттенок вокруг глаз и рта, который Филу предстояло часто видеть в течение следующего года.

Фил привел Джейка обратно в смотровую, и когда того заверили, что забор крови — это просто прогулка по парку по сравнению с прижиганием носа, Джейк закатал рукав и мужественно принял укол.

Неделю спустя позвонил их семейный доктор и сказал, что ему жаль сообщать плохие новости, но, похоже, у Джейка острый лимфоцитарный лейкоз.

Их крепкий сын начал угасать не по дням, а по часам. Через восемь месяцев после начала болезни, которую тогда называли "изнуряющей болезнью", у Джейка наступила ремиссия, подарившая его родителям несколько недель жестокой надежды. Затем последовал резкий спад. Джейкоб Теодор Паркер умер в Региональной больнице Портсмута 23 марта 1953 года в возрасте десяти лет.

* * *

На протяжении почти всей траурной церемонии голова Салли лежала на плече мужа. Она плакала. Фил — нет. Все свои слезы он истратил во время последней госпитализации Джейка. Салли до последнего надеялась — молилась — на еще одну ремиссию, но Фил знал, что Джейк умирает. Человек-ответ фактически сказал ему это.

Позже он спрашивал себя, почувствовал ли он на похоронах запах джина в ее дыхании. Если да, то это было неудивительно. Паркеры принадлежали к поколению "Бухла и Сигарет". Салли Энн любила пить легкие коктейли с матерью, отцом и их друзьями с шестнадцати лет, и коктейли всегда ждали Фила, когда он возвращался домой. Как правило, два перед ужином. Иногда Фил выпивал пару банок пива, пока они смотрели телевизор. Салли выпивала еще джин с тоником. Лишь позже Фил осознал, что один вечерний джин-тоник перешел в два, а иногда и три. Но она всегда вставала в шесть утра, готовила Джейку школьный обед и завтрак для всех троих. Это было поколение, где "Женщины Готовят, Мужчины Едят".

Он заметил это после церемонии захоронения. Не заметить было невозможно. Салли была на кухне и рассказывала миссис Кин историю о том, как Джейк лишился первого зуба, как она привязала один конец нитки к этому шатающемуся зубу, а другой — к ручке двери его спальни.

— Когда я захлопнула дверь, зубик прям вылетел! — воскликнула Салли, только слово "зубик" прозвучало как "зупик", и Фил заметил, как миссис Кин — та красивая, как сказал Гарри в тот день, когда Фил встретил Человека с ответами во второй раз — начала медленно отступать от неё, шаг за шагом. Отшатываться от её дыхания. Салли следовала за ней тоже шаг за шагом, начиная вторую историю. В руке у неё был маленький бокал, который постепенно наклонялся, и содержимое проливалось на пол.

Фил взял её за руку и сказал, что её хотят видеть его родные (на самом деле нет). Салли согласилась без возражений, но, оглянувшись через плечо, сказала:

— Этот зупик просто вылетел! Боже, какое это было зрелище!

Миссис Кин подарила Филу сочувствующую улыбку. Первую из многих последующих.

Он успел довести Салли до двери в гостиную, прежде чем у нее подкосились колени. Бокал выпал из её рук. Он поймал его и вспомнил на мгновение — но, о Боже, такое яркое мгновение, — как ловил ответный бросок от Джейка за гаражом. Он протащил её сквозь толпу людей в гостиной, практически неся на себе. Его мать бросила на него взгляд и кивнула: "Уведи её отсюда". Фил кивнул в ответ.

Не было смысла пытаться отнести её наверх, поэтому он перенес её в комнату для гостей и уложил среди пальто и плащей. Она тут же начала храпеть. Когда Фил вернулся, то рассказал людям, что Салли так убита горем, что не может никого видеть, по крайней мере, какое-то время. Ему сочувственно покивали, побормотали соболезнования — Боже, столько соболезнований, что Фил поймал себя на том, что хочет, чтобы кто-нибудь рассказал грязную шутку о фермерской дочке[91], — но он был уверен, что есть люди (миссис Кин одна из них, его мать — другая), которые знали, что его жену одолело не только горе.

Это была его первая ложь насчет её пьянства, но не последняя.

* * *

Фил предложил попытаться завести ещё одного ребёнка. Салли согласилась с каким-то вялым безразличием. Иногда ему хотелось схватить её за плечи — сильно, больно, чтобы оставить синяки, чтобы достучаться до неё — и сказать, что она не единственная, кто потерял ребёнка. Но он этого не делал. Он держал свой гнев при себе, зная, что она скажет: "У тебя есть работа. У меня нет ничего".

Однако, кое-что у нее было. У неё был джин "Гилбис" и сигареты "Кул". Две пачки в день. Она держала их в маленьком футляре из кожи аллигатора, похожем на кошелёк для мелочи. В 1954 году она забеременела. Он посоветовал ей бросить курить. Она посоветовала ему держать свои советы, какими бы благими они ни были, при себе. На четвертом месяце у нее случился выкидыш.

---

[91] стереотипные шутки в американской культуре

— Больше этого не будет, — сказала она ему со своей койки в больнице Норт-Конвея. — Мне сорок. Я слишком стара, чтобы заводить детей.

Так они вернулись к "французским письмам", но в канун Нового 1956 года Фил увидел, что у него осталось три презерватива в пачке из дюжины, которую он купил в Норт-Конвее вскоре после Пасхи. Салли была не прочь задрать свою ночную рубашку и принять его в себя, но когда он посмотрел на неё и увидел, что она смотрит в потолок, то понял, что она просто ждёт, когда он кончит и отвяжется от неё. Это совершенно не возбуждало.

Только однажды, в 1957 году, Фил решил побороться с её пьянством. Он сказал ей, что нашёл хороший центр реабилитации в Бока-Ратоне, где помогут бросить пить или хотя бы сократить потребление; он расположен достаточно далеко от Нью-Гэмпшира, и никто не узнает. Всем он расскажет, что она навещает друзей. Если она этого хочет, то они могут даже развестись, но ей нужно прекратить.

Она посмотрела на него, его теперь уже полная жена с плохим цветом лица, тусклыми глазами и слипшимися волосами. Особенно его поразили её глаза. В них не было глубины.

— Зачем? — спросила она.

* * *

Вечером 8 ноября 1960 года Фил вернулся домой и увидел, что тот пуст. На кухонном столе лежала записка: "Ужин в духовке. Я ушла в ГД смотреть результаты выборов. С."

Приглашения присоединиться к ней для Фила не было, да ему никогда особо не нравился "Грин Дор" в Норт-Конвее. Когда-то, примерно в то время, когда они с Салли поженились, это был довольно приличный бар. Теперь это был захудалый кабак.

Согласно полицейскому отчету, миссис Паркер вышла из "Грин Дор" примерно в 00:40 9 ноября, вскоре после объявления Кеннеди победителем. Бармен перестал подавать ей алкоголь в одиннадцать, но разрешил остаться и посмотреть подсчет голосов.

Возвращаясь домой по шоссе 16, двигаясь на высокой скорости на своем маленьком "Рено Дофине", она съехала с дороги и врезалась в опору моста. Смерть наступила мгновенно. Вскрытие показало, что уровень алкоголя в ее крови составил 0,39. Узнав новость о смерти дочери, Тед Олбёртон перенес сердечный приступ. Через пять дней в реанимации он скончался. От этих похорон друг за другом Филу захотелось вернуться на Эниветок.

Три недели спустя после смерти жены Фил поехал к Добровольной пожарной станции Карри, где когда-то был пустырь. Было уже поздно, и в пожарной части было темно. Между выкрашенными в красный цвет двойными дверями находилась сцена с яслями: Иисус, Мария, Иосиф, волхвы, разные животные. Ясли были, насколько помнил Фил, на том самом месте, где когда-то стоял красный зонт над маленьким столиком Человека-который-знает-всё.

— Выйди и поговори со мной, — сказал Фил ветреной тьме. Из кармана своего пальто он вынул пачку банкнот. — У меня здесь восемьсот, может быть, даже тысяча долларов, и у меня есть несколько вопросов. Вопрос номер один: это был несчастный случай или она покончила с собой?

Ничего. Только пустырь, пустая пожарная станция, холодный восточный ветер и куча идиотских гипсовых статуй, освещенных скрытой электрической лампочкой.

— Вопрос номер два: почему. Почему именно я? Я знаю, это звучит как жалость к себе, и, конечно, так оно и есть, но мне действительно интересно. Этот чертов тупица, друг Джейка, Гарри Уошберн, до сих пор жив, он — ученик сантехника в Сомерсворте. Сэмми Диллон тоже жив, так почему не мой мальчик? Если бы Джейк был жив, Салли тоже была бы жива, верно? Так скажи мне. Наверное, я даже не хочу знать, почему именно я, я хочу знать, почему вообще? Давай, приятель. Выходи, заводи свои часы и забирай мои деньги.

Ничего. Естественно.

— Ты никогда не существовал, так ведь? Ты был лишь плодом моего гребаного воображения, так что пошел ты нахрен и меня туда захвати и весь этот гребаный мир.

* * *

Следующие три года Фил провел в состоянии дистимической депрессии. Он работал, всегда вовремя являлся в суд, выигрывал одни дела и проигрывал другие, и ему было всё равно. Иногда ему снился Человек-ответ, и, бывало, в таких снах Фил перепрыгивал через стол, сбивая тикающие часы на пол, и смыкал руки на шее Человека-ответа. Но Человек с ответами всегда рассеивался, как дым, потому что кем он был на самом деле? Просто дымом.

Этот период его жизни закончился с появлением Обгоревшей Женщины. На самом деле её звали Кристина Лакасс, но для Фила она всегда была Обгоревшей Женщиной.

Однажды ранней весной 1964 года в его кабинет вошла секретарша, бледная и расстроенная. Филу показалось, что в глазах Мари стоят слезы, но он не был уверен, пока она не вытерла их тыльной стороной ладони. Фил спросил, в порядке ли она.

— Да, но к вам пришла женщина, и я хотела предупредить вас, прежде чем впустить её. Она сильно обгорела. Её лицо... Фил, её лицо ужасно.

— Чего она хочет?

— Она хочет отсудить у корпорации "Нью-Ингленд Фридом" пять миллионов долларов.

Фил улыбнулся.

— Это будет непросто, не так ли?

"Нью-Ингленд Фридом" вела дела в шести штатах, простирающихся от Преск-Айля до Провиденса. В послевоенные годы она превратилась в одну из крупнейших строительных компаний на севере страны. Они строили жилые комплексы, торговые центры, промышленные объекты, даже тюрьмы.

— Лучше впусти её, Мари. Спасибо за предупреждение.

Хотя по-настоящему ничто, никакое предупреждение не могло подготовить его к женщине, которая вошла в кабинет, опираясь на два костыля. По левой стороне её лица Фил предположил, что ей под пятьдесят или чуть больше. Правая сторона её лица была

бесформенной массой плоти, которая сначала расплавилась, а затем затвердела. Рука, сжимавшая костыль с правой стороны, была когтем. Она увидела выражение его лица, и левая сторона её рта растянулась в улыбке, продемонстрировав немногочисленные остатки зубов.

— Красотка, правда? — сказала она. Её голос был резким, как карканье вороны. Фил догадался, что она вдыхала огонь, который обжег её голосовые связки. Наверное, это было чудо, что она вообще могла говорить.

Фил не собирался отвечать на вопрос, который был риторическим или откровенно саркастическим.

— Садитесь, мисс Лакасс, и расскажите, чем я могу вам помочь.

— Миссис. Я вдова, не знали? А насчет того, что вы можете для меня сделать, то вы можете подать в суд на эту проклятую НИФ. Пять миллионов, ни пенни больше, ни пенни меньше. Хотя держу пари, вы не подадите. Я была у полдюжины других адвокатов, включая Фелда и Пилсбери в Портленде, и никто из них не захотел иметь со мной и моим делом ничего общего. НИФ для них слишком крупна. Можно мне стакан воды, прежде чем вы меня прогоните?

Он нажал кнопку вызова и попросил Мари принести миссис Лакасс стакан воды. Тем временем Обгоревшая Женщина шарила здоровой рукой в маленькой сумочке, застегнутой на поясе. Она достала бутылочку с таблетками и протянула её через стол Филу.

— Откроете её? Я бы открыла сама, но боль адская. Мне нужно две. Нет, три.

Фил открыл коричневую бутылочку, вытряхнул три таблетки, передал их ей и закрыл бутылочку. Мари принесла воду, и Лакасс проглотила таблетки.

— Это морфин. От боли. Говорить больно. Ну, всё делать больно, но говорить — больнее всего. Есть тоже нелегко. Доктор говорит, что эти таблетки убьют меня за год или три. На что я ему ответила, что они не убьют меня, пока мое дело не дойдет до суда. Я на этом стою твердо, адвокат Паркер.

— А, они начинают действовать. Хорошо. Я бы приняла еще одну, но тогда стану рассеянной, начну всё путать.

— Расскажите, чем я могу помочь, — сказал Фил.

Она откинула голову и разразилась гоготом ведьмы. Он заметил, что часть её шеи слилась с плечом.

— Помогите мне засудить этих ублюдков, вот чем вы можете помочь. — С этими словами она начала свой рассказ.

Кристина Лакасс жила с мужем и пятью детьми в Морроу-Эстейтс, посёлке, построенном НИФ в городе Олбани, к югу от Норт-Конвея. Свет в их доме постоянно то включался, то выключался, а иногда из розеток шел дым. Рональд Лакасс был водителем-дальнобойщиком, хорошо зарабатывал, но часто бывал в разъездах. Кристина Лакасс делала женские прически на дому, и её фены и воздуходувки постоянно коротили. Однажды загорелись электрощитки в подсобках их блока из четырех домов, и почти неделю у них не было электричества. Кристина,

тогда еще не Обгоревшая Женщина, поговорила с управляющим Морроу-Эстейтс, который лишь пожал плечами и обвинил во всем компанию "Нью-Гэмпшир Пауэр энд Лайт".

— Я знала, что это не так, — сказала она Филу, потягивая воду. — Я не вчера свалилась с сеновала. От скачка напряжения не загорелись бы электрощитки в четырех домах. Сначала бы сгорели предохранители. В других блоках домов в Морроу-Эстейтс были проблемы с освещением и электроотоплением, но ничего похожего на наш случай.

Когда она не добилась удовлетворительного ответа от управляющего, она позвонила в офис НИФ в Портсмуте, поговорила с каким-то служащим и получила лишь отговорки. В библиотеке Норт-Конвея она навела справки о руководстве корпорации, нашла номер главного офиса НИФ в Бостоне, позвонила туда и попросила соединить с президентом. Нет, ответили ей, он слишком занят, чтобы разговаривать с домохозяйкой из Мухосранска, штат Нью-Гэмпшир. Вместо него ей дали другого служащего, вероятно, с более высокой зарплатой и в лучшем костюме, чем у портсмутского. Она рассказала бостонскому парню, что иногда, когда мигает свет, стена в её маленьком домашнем салоне нагревается, и она слышит жужжание, как будто там осы. В такие моменты она чувствует запах жареного. Служащий ответил, что, вероятно, она использует фены и воздуходувки с напряжением, слишком высоким для их электросистемы. Миссис Лакасс поинтересовалась, есть ли у его матери дети, и повесила трубку.

На Рождество НИФ украсили весь Морроу-Эстейтс рождественскими огнями.

— Это сделала корпорация? — спросил Фил. — Не ассоциация домовладельцев Эстейтс?

— У нас и не было никакой ассоциации домовладельцев, — ответила она Филу. — Ничего подобного. У всех в почтовых ящиках лежали рекламные листовки от НИФ после Дня Благодарения. В них говорилось, что они делают это в духе праздника.

— Просто по доброте душевной, — прокомментировал Фил, делая пометки в своем блокноте.

Обгоревшая Женщина издала ведьминский хохот и указала на него деформированным, полурасплавленным пальцем.

— Вы мне нравитесь. Вы меня прогоните, как и все остальные, но вы мне нравитесь. И никто не записывал ничего из того, что я говорила.

— У вас осталась та рекламная листовка?

— Моя сгорела, но у меня есть куча других, таких же.

— Мне нужна одна. Нет, нужны все. Расскажите о пожаре.

На то Рождество её муж был дома. Подарки лежали под ёлкой. За два дня до праздника, когда дети уже улеглись в кроватки (сны о сахарном снеге[92] не гарантировались), их дом и дом семьи Даффи по соседству загорелись. Кристина проснулась от криков снаружи. Дом был полон дыма, но огня она не видела. Из окна спальни она увидела, как ее соседка Рона Даффи катается по снегу, пытаясь потушить свою пылающую ночную рубашку.

[92] отсылка к рождественской поэме "Визит святого Николая" Клемента Кларка Мура

— Их дом горел, как праздничная свеча. Я растрясла Рональда и сказала ему вывести детей, но он так и не сделал этого. К тому времени я уже была на улице и забрасывала Рону снегом. — Миссис Лакасс добавила буднично, — Она умерла. Её двое детей были с бывшим мужем в Ратленде, повезло им. Моим так не повезло. Не знаю, что с ними случилось. Наверное, дым добрался до Ронни раньше, чем он до них. Я вернулась в дом за детьми, и на меня обрушилась половина гребаного потолка в гостиной. Адвокат Паркер, наш дом вспыхнул, как спичка. Я выползла наружу вся в огне. И знаете, что произошло за тот год, что я пролежала в больнице?

— Они перекидывали вину друг на друга, — сказал Фил. — Так?

Скрюченный палец снова указал на него. Она издала ещё один гогот. Фил подумал, что так, должно быть, смеются проклятые в аду.

— В НИФ сказали, что виновата компания, делавшая проводку. Компания, которая делала проводку, сказала, что штат проверял и рождественские огни, и исходные спецификации проводки, так что виноват штат. Штат сказал, что спецификации не совпадают с фактической проводкой в оставшихся домах, а значит, инженерная фирма схитрила, чтобы сэкономить деньги. Инженерная фирма заявила, что они выполняли предписания корпорации "Нью-Ингленд Фридом". И знаете, что ответила корпорация "Нью-Ингленд Фридом"?

— Подайте на нас в суд, если вам что-то не нравится, — сказал Фил.

— Подайте на нас в суд, если вам что-то не нравится, — именно так. Большая старая корпорация против женщины, которая выглядит, как курица, забытая в духовке. Ладно, сказала я, увидимся в суде. Они предложили мне мировое соглашение на сорок тысяч долларов, но я отказалась. Я хочу пять миллионов, по одному за каждого моего ребёнка, от трёх до четырнадцати лет. Мужа они могут забрать бесплатно, он должен был их спасти. Теперь мне пора уходить?

Впервые со смерти Салли — возможно, впервые со смерти Джейка — Фил почувствовал, как в нем пробуждается настоящий интерес. И возмущение. Ему пришлась по душе идея сразиться с корпорацией-тяжеловесом. Нет, не из-за денег, хотя его доля от пяти миллионов была бы значительной. И не ради рекламы, потому что у него уже было достаточно дел... или столько, сколько ему хватало. Дело было в другом. Это был шанс сомкнуть пальцы на шее, которая не рассеется, как дым.

— Нет, — ответил Фил. — Вам еще не пора уходить.

* * *

В течение следующих пяти лет Фил без устали преследовал компанию "Нью-Ингленд Фридом". Его отец неодобрительно отнесся к этому, говоря, что у Фила развился синдром Дон Кихота, и обвиняя его в том, что тот забросил другие дела. Фил согласился, но отметил тот факт, что ему больше не нужно копить деньги, чтобы отправить сына в Гарвард, и Джон — теперь уже старый Джон — больше не лез в это дело. Вдова Теда Олбёртона сказала, что понимает его и полностью поддерживает.

— Ты делаешь это, потому что не можешь подать в суд на рак, который забрал Джейки, — сказала она.

Фил не стал спорить — возможно, в её словах было зерно истины, — но на самом деле он делал это, потому что не мог выбросить из головы Человека с ответами. Иногда, когда он не мог заснуть, он говорил себе, что поступает глупо; Человек-ответ не несет ответственности ни за его несчастья, ни за беды Обгоревшей Женщины. Всё это было правдой, но было кое-что еще: когда Филу действительно нужны были ответы, человек под красным зонтом исчезал. И, как и миссис Лакасс, ему нужно было возложить на кого-то ответственность.

Он добился того, чтобы дело НИФ рассматривалось в окружном суде Бостона незадолго до того, как у миссис Лакасс началась пневмония. Он выиграл дело. НИФ подала апелляцию, как Фил и Кристина и предполагали, но миссис Лакасс всё же успела застать эту условную победу, прежде чем пневмония забрала её осенью 1967 года. К тому времени Фил видел, как она угасает с каждым днем, и понял, как и в случае с Джейком, что она обречена. Он добавил в дело брата Рональда Лакасса. Тим Лакасс не испытывал жажды мести, как Обгоревшая Женщина, и у него не было её рвения; он просто сказал Филу продолжать дело, не жалея сил, и следил за ним из своего дома в Северной Каролине. Он отказался оплачивать какие-либо расходы, но был бы рад получить деньги, если бы они свалились с неба, точнее, из Бостона или Нью-Гэмпшира. У Обгоревшей Женщины не осталось никакого имущества. Фил всё равно продолжил дело, оплачивая расходы из своего кармана. Дважды НИФ предлагала уладить дело, сначала за триста тысяч долларов, затем за восемьсот тысяч. Огласка дела была им крайне невыгодна. Тим Лакасс (по междугородней связи) уговаривал Фила взять деньги. Фил отказался. Он хотел все пять миллионов, потому что таково было желание миссис Лакасс. По миллиону за каждого ребёнка. Были задержки. Были отсрочки. НИФ проиграла дело в Апелляционном суде и подала апелляцию ещё раз, но когда Верховный суд отказался ее рассматривать, сдалась. Окончательный счёт за рождественские огни — последнюю соломинку, переломившую хребет верблюду, — и дрянную проводку, которая, как доказал Фил, была стандартной политикой НИФ (сосредоточившей внимание на других застройках компании), составил 7,4 миллиона долларов, присуждённых истцу Тиму Лакассу. Плюс значительные судебные издержки. НИФ, которая изначально не могла поверить, что не сможет переиграть сельского адвоката из Мухосранска, могла бы сэкономить почти два с половиной миллиона долларов, если бы признала поражение раньше.

Когда Фил сообщил Тиму Лакассу, что они поделят награду пополам, тот пригрозил подать в суд.

— Ну, вперёд и с песней, — сказал на это Фил. — Твои три и семь десятых растают, как снег в апреле.

В конце концов, Тим Лакасс согласился на раздел, и в один день 1970 года Фил повесил на стену своего кабинета фотографию в рамке, которую видел первым делом каждый день. На фото были Рональд и Кристина Лакасс в день их свадьбы. Он был мускулистым мужчиной, на фотографии он ухмылялся. Кристина в белом свадебном платье выглядела потрясающе.

Под фотографией Фил аккуратно вывел заглавными буквами пять слов:

ВСЕГДА ПОМНИ — КОМУ-ТО ЕЩЕ ХУЖЕ

После вынесения окончательного решения по делу против "Нью-Ингленд Фридом" — делу, которое сделало его звездой в юридических кругах — Фил мог получить любое дело, какое бы

пожелал. Вместо этого он сбавил обороты и, поскольку теперь был финансово обеспечен, стал брать больше дел на общественных началах. В 1978 году, за четырнадцать лет до основания "Проекта Невиновность"[93], он добился нового судебного разбирательства и, в конечном итоге, свободы для человека, который отсидел двенадцать лет пожизненного срока в тюрьме штата Нью-Гэмпшир.

Конечно, в его жизни была дыра на месте Джейка и Салли. Юридическая работа не могла её заполнить, поэтому он стал активнее участвовать в жизни общества. Он стал попечителем Публичной библиотеки Карри и основал первый в своем городе Книжный фестиваль. Участвовал в рекламных роликах на телеканалах Нью-Гэмпшира в рамках ежегодной акции по сбору крови. Раз в неделю работал в "Норт-Конвей Фуд Банк"[94] (потому что кому-то еще хуже) и в приюте для животных "Харвест-Хиллз" во Фрайбурге. В 1979 году он взял там щенка бигля. Следующие четырнадцать лет Фрэнк сопровождал его повсюду, сидя на переднем сиденье.

Он больше не женился, хотя у него была подруга в Молтонборо, к которой он время от времени наведывался. Её звали Сара Кумбс. Он занимался её юридическими делами и выплатил ипотеку на её дом. Они с Фрэнком иногда оставались у неё на ночь, поэтому Сара держала в кладовой пакет собачьего корма "Гейнс-Бургерз". С годами такие визиты становились всё реже и реже; Фил чаще возвращался домой после окончания рабочего дня и разогревал в микроволновке то, что оставляли для него его домработница и помощница по общим делам. Иногда — не всегда, но иногда — его поражала пустота в доме. В такие моменты он подзывал к себе Фрэнка, чесал его за ухом и говорил, что кому-то ещё хуже.

Единственной общественной работой, от которой он отказался, было совместное тренерство команды Карри в юниорской лиге. Просто Филу это слишком напоминало домашних.

Так шло время, так сказывалась история. В основном это было хорошее время. Были шрамы, но не уродующие, да и что такое шрамы, как не зажившие раны?

Он начал прихрамывать и стал ходить с тростью. Мари вышла на пенсию. У него начался артрит в руках, ногах и бёдрах. Потом Мари умерла. Он объявил о своем уходе на пенсию, и город (Карри теперь был на пороге превращения в небольшой город) устроил ему грандиозную вечеринку. Ему подарили множество подарков, включая табличку с надписью: "ГРАЖДАНИН N1 КАРРИ". Было много речей, кульминацией которых стало выступление Фила перед собравшимися, почти заполнившими актовый зал новой средней школы. Речь была скромной, остроумной, а самое главное — краткой. Ему сильно хотелось в туалет.

Бигль Фрэнк мирно скончался осенью 1993 года. Фил похоронил его на заднем дворе, выкопав яму собственными руками, хотя суставы протестовали при каждом взмахе лопаты. Когда могила была засыпана, утрамбована и покрыта травой, он произнёс надгробную речь, такую же краткую. "Я любил тебя, старина. И до сих пор люблю". В том году Филу исполнился восемьдесят один год.

---

[93] "Проект Невиновность" — некоммерческая юридическая организация, целью которой является оправдание людей, которые были ошибочно осуждены, с помощью анализа ДНК и работы по реформированию системы уголовного правосудия

[94] Пищевой банк — благотворительная организация, которая занимается сбором пищевых продуктов от производителей и поставщиков и передачей их нуждающимся

В 1995 году он впервые в жизни начал страдать от мигрени. Он отправился к доктору Барлоу, которого до сих пор считал Новым Доктором, хотя Фил ходил к нему на осмотры и лечение артрита уже десять лет. Барлоу спросил, не двоится ли у него в глазах при головной боли. Фил ответил, что да, двоится, и признал, что иногда он оказывался в разных местах дома, не помня, как туда попал. Доктор Барлоу отправил его в Портсмут на МРТ.

— Не очень хорошие новости, — сказал Новый Доктор после изучения результатов. — Опухоль мозга. — Потом, как будто поздравляя его. — Довольно редко встречается в таком возрасте.

Барлоу рекомендовал невропатолога в Массачусетской больнице. Поскольку Фил больше не водил машину за городом, он нанял молодого человека по имени Логан Фиппс, чтобы тот его возил. Логан болтал без умолку о своей семье, друзьях, девушке, погоде, подработке и желании вернуться к учёбе. И о многом другом. Всё это влетало в одно ухо Фила и вылетало из другого, но он кивал. В дороге он понял, что начал отдаляться от жизни. Это не пугало. Это было похоже на разрыв купона в супермаркете — медленно, но верно, по пунктирной линии.

Невропатолог осмотрел Фила и изучил снимки его престарелого мозга. Он сказал, что может прооперировать его и удалить эту мерзкую опухоль, и Фил сразу вспомнил старую песню, в которой девушка заявляла, что смоет мужчину прямо со своих волос[95]. Салли часто пела её в душе, иногда во время мытья волос, на что Фил никогда не обижался. Когда Фил спросил невропатолога, каковы шансы, что он очнётся после операции — и в здравом уме, — тот ответил: "Пятьдесят на пятьдесят". Фил сказал, что ему очень жаль, но в его возрасте такие шансы недостаточно велики.

— Ваши головные боли могут быть очень сильными перед... — Нейрохирург пожал плечами, не решаясь сказать "перед концом".

— Кому-то еще хуже, — заметил Фил.

3

Ветреным октябрьским днем 1995 года Фил в последний раз сел за руль своей машины. Это был не старый "Шевроле" и не "Бьюик", а "Кадиллак Севиль", оснащённый всевозможными удобствами.

— Надеюсь, я никого не убью, Фрэнк, — сказал он псу, которого больше не было рядом. Головная боль временно отступила, но пальцы его рук и ног начали ощущать холодок, словно скоро он не будет их чувствовать.

Он ехал по городу со скоростью двадцать миль в час, увеличив её до тридцати, когда покинул центр. Несколько машин, сигналя, промчались мимо него.

— Идите в жопу, — сказал каждой из них Фил. — Пролай, если согласен, Фрэнк.

На шоссе 111 движения почти не было, и удивился ли он, когда проехал мимо ярко-жёлтого знака с надписью "2 МИЛИ ДО ЧЕЛОВЕКА, КОТОРЫЙ ЗНАЕТ ВСЁ"? Нет, не удивился. Для чего

---

[95] песня из мюзикла "Юг Тихого океана"

ещё он рисковал своей жизнью и жизнями тех, кто мог случайно встретиться ему на пути? Он не верил, что это прогрессирующая чёрная гниль в его мозгу посылает ему ложную информацию. Вскоре он увидел следующий знак, ярко-синий: "ЧЕЛОВЕК С ОТВЕТАМИ – ОСТАЛАСЬ 1 МИЛЯ". И вот там, за подъёмом на окраине Карри, стоял стол и ярко-красный зонтик. Фил остановился и выключил двигатель. Он взял трость и с трудом выбрался из машины.

— Оставайся здесь, Фрэнк. Это не займёт много времени.

Удивился ли он, увидев, что Человек-ответ выглядит по-прежнему точно так же? Те же яркие глаза, те же редеющие волосы, та же одежда? Нет, не удивился. Была лишь одна перемена, которую заметил Фил, хотя трудно было быть в чём-то уверенным с его двоящимся, а иногда и троящимся зрением. На столе Человека с ответами была лишь одна табличка. На ней было написано: "ВСЕ ОТВЕТЫ БЕСПЛАТНЫ".

Он сел на стул клиента с кряхтением и гримасой.

— Ты совсем не изменился.

— Ты тоже, Просто Фил.

Фил рассмеялся.

— Та ещё шуточка. Давай ещё одну, почему бы и нет? — Вопрос был глупым, как он полагал, но почему бы и нет? Сегодня все ответы были бесплатными.

— Это правда. Внутри ты всё такой же.

— Как скажешь, однако я сомневаюсь. Твои большие часы всё еще в сумке?

— Да, но сегодня они мне не понадобятся.

— Пятничная бесплатная раздача слонов?

Человек с ответами улыбнулся.

— Сегодня вторник, Просто Фил.

— Я знаю. Это был бессмысленный вопрос. Ты знаком с такими?

— Я знаком со всеми видами вопросов. Каков твой?

Фил решил, что больше не хочет спрашивать "почему это случилось именно со мной"; это был, как сказал бы Человек-ответ, ещё один бессмысленный и бесполезный вопрос. Это случилось с ним, потому что это случилось с ним. Вот и всё, другой причины не было. Его также не интересовало, сколько ему оставалось жить. Он, наверное, ещё увидит, как падает снег, но было совершенно ясно, что до весеннего таяния он не доживёт. Его интересовало только одно.

— Продолжается ли жизнь потом? Есть ли жизнь после смерти?

— Да.

Серость начала надвигаться, медленно окутывая их. Человек с ответами стал отдаляться. Тоже очень медленно. Фила это не беспокоило. Головной боли не было, и это радовало, а листва — то, что он ещё мог разглядеть — была очень красива. Деревья так ярко сверкают в конце осени. И поскольку все ответы бесплатны...

— Куда мы попадаем? В рай? Или в ад? Или это реинкарнация? Остаёмся ли мы самими собой? Будем ли мы помнить? Увижу ли я свою жену и сына? Будет ли там хорошо? Или будет ужасно? Снятся ли там сны? Есть ли там горе, радость или какие-нибудь эмоции?

Человек-ответ, почти затерявшийся в серости, промолвил:

— Да.

* * *

Фил пришёл в себя за рулём своего "Кадиллака", удивлённый тем, что ещё жив. Он чувствовал себя нормально, даже очень хорошо. Ни головной боли, ни боли в руках или ногах. Он завёл двигатель.

— Как думаешь, Фрэнк, смогу я довезти нас до дома целыми и невредимыми? И при этом никого не убить? Пролай один раз, если да, и два раза — если нет.

Фрэнк гавкнул один раз, что означало "да".

Это означало да.

Посвящается Джонатану Леонарду[96]

К содержанию

[96] Племянник Стивена Кинга, который нашел повесть "Человек-ответ", начатую Кингом в конце 70-х и не законченную тогда

— Он включил газовую плиту, и мы нашли расплавленный кусок зажигалки на том месте, что осталось от кухонного пола, и как вы считаете?

Что я посчитал, так это то, что умный детектив мог бы задуматься: если они нашли остатки "Зиппо" на кухне, то как Элджин мог оказаться на кушетке в столовой? Но, видимо, детектив не блистал умом.

* * *

Я проработал в "Темп-О" до сентября, а затем уволился и уехал в Небраску. Никаких особых причин для Небраски не было, просто туда меня занесло. Я устроился на временную работу на ферму, одну из тех больших агрокомпаний, и управляющий оставил меня после окончания сезона сбора урожая. Сейчас я здесь. Идет снежная буря. Шоссе I-80 перекрыто. Я сижу за этим столом и думаю о галактиках за галактиками. Скоро я закрою этот блокнот, погашу свет и лягу спать. Шум ветра убаюкивает меня. Иногда мне снятся вьетнамские джунгли и мужчины, кричащие в огне. Иногда женщины, кричащие в огне. Дети. Они умоляют: "Nahn tu, nahn tu". Это хорошие сны. Поверьте, я говорю правду. Потому что есть и плохие сны. В плохих снах я стою перед красным домом с зеленой дверью. Если я попытаюсь открыть эту дверь, она откроется. Я знаю это и знаю, что однажды войду внутрь и встану на колени у порога гостиной. "Nahn tu", — буду умолять я, — "nahn tu", но когда придет этот последний сон, пощады не будет. Не для меня.

С мыслями о Кормаке Маккарти[231] *и Эванджелине Уолтон*[232]

К содержанию

От переводчика

Перевод осуществлен бывшим студентом минского иняза (МГЛУ) Ернаром Шамбаевым абсолютно бескорыстно, что называется, из любви к искусству. Я крайне не поддерживаю решение Стивена Кинга отгородиться от русскоязычных читателей, но это его право. В любом случае убежден, что нельзя оставлять его творения без перевода на великий и могучий.

Если вам понравился перевод и вы желаете отблагодарить автора, то вот номер его счета:

4400 4301 4291 3943 YERNAR SHAMBAYEV

Это поддержит его в работе над переводами следующих произведений великого мастера современности. На подходе следующая книга о Холли Гибни “Always Holly” —

[231] Кормак Маккарти — американский писатель-романист, прозаик и драматург, сценарист, обладатель Пулитцеровской премии
[232] Эванджелина Уолтон — американская писательница

“Холли навсегда”. Это будет довольно большая книга со множеством героев и множеством сюжетных линий и, возможно, последняя о ней.

Также я принимаю заказы на перевод художественной, технической, программистской, спортивной, шахматной литературы с английского языка на русский. Мой email: yernar@rambler.ru

БОНУС: интервью со Стивеном Кингом (май 2024)

Мэри Луиза Келли: Я хотела бы начать с вопроса о повести "Человек-ответ". Вы начали ее писать, когда вам было 30, а закончили её в 75. Что же произошло?

Стивен Кинг: Ну, я её потерял. Со мной так бывает: я пишу рассказы и не всегда их завершаю. Те, что не дописываются, попадают в ящик, и я про них забываю. А около пяти лет назад мои люди начали собирать все мои завершенные и незавершенные работы и складывать их в архив. Они искали повсюду – в ящиках стола, в корзинах для мусора под столом, во всех местах. Я не очень организованный человек. Мой племянник Джон Леонард нашел эту конкретную вещичку, написанную в отеле "Ю-эн Плаза"[233] в 70-х годах, как мне кажется. И он сказал: "Знаешь, она очень хороша. Тебе действительно стоит её закончить". Я прочитал и сказал: "Кажется, теперь я знаю, как её закончить". И закончил.

Келли: Первые шесть или около того страниц, которые вы написали в отеле, превратились в 50-страничную повесть. Почему вы решили, что стоит вернуться?

Кинг: Ну, мне понравилась концепция: молодой человек едет по дороге и пытается понять, стоит ли ему присоединяться к юридической фирме своих родителей в Бостоне или начать свое собственное дело. И он встречает на обочине человека, который называет себя Человеком-который-знает-всё. И тот говорит: "Я отвечу на три ваших вопроса за 25 долларов, и у вас есть 5 минут, чтобы их задать". И я подумал, что напишу эту историю в трех действиях. Первый акт — когда вопрошающий молод, второй – когда он среднего возраста, и третий – когда стар. Вопрос, который я себе задаю: "Хочешь ли ты знать, что случится в будущем, или нет?"

Келли: Эта история, как и многие другие ваши произведения, – о судьбе, о том, чему суждено случиться, независимо от наших действий, независимо от того, какой выбор мы делаем. Вы верите в это?

Кинг: Мой ответ — я не знаю. Когда я пишу свои произведения, то пишу их, чтобы разобраться, что я думаю на самом деле. Не думаю, что на этот вопрос есть ответ.

Келли: В послесловии к книге вы упоминаете, что возвращение в свои семьдесят с лишним лет к завершению истории, которую вы начали писать ещё в молодости, дало вам, цитирую ваши слова, "крайне странное ощущение зова в каньон времени". Можете объяснить, что это значит?

Кинг: Ну, вы слушаете, вернется ли эхо. Когда я был молод, у меня были юные представления о Человеке-ответе. Но теперь, когда я достиг, скажем так, определенного возраста, я вынужден

---

[233] отель в Нью-Йорке

писать, опираясь на свой опыт и мысли том, каково это — быть стариком. Так что да, для меня это было, как крик и ожидание, вернется ли эхо спустя столько лет.

Келли: Есть ли такие темы, которых вы избегаете, которых вы сторонитесь, о которых вы задумываетесь и говорите: "Знаете что, это слишком жутко, слишком дико"?

Кинг: У меня был роман под названием "Кладбище домашних животных", который я написал и отложил в стол, потому что подумал: "Никто не захочет это читать. Это слишком ужасно". Я хотел его написать, чтобы посмотреть, что из этого выйдет, но не думал, что буду его публиковать. А потом я оказался в контрактных тисках-обязательствах и должен был выпустить книгу с моей старой компанией, поэтому выпустил её. И обнаружил – одновременно к своему восторгу и ужасу, – что американскую публику невозможно оттолкнуть чем-то очень страшным. Нельзя зайти слишком далеко.

Келли: Насколько я помню, это был огромный бестселлер.

Кинг: Да, это был бестселлер, и по нему сняли фильм. То же самое произошло с "Оно", о клоуне-убийце, охотящемся на детей.

Келли: Который до сих пор преследует меня в кошмарах, должна вам признаться. Сколько книг вы написали на данный момент?

Кинг: Не знаю.

Келли: Правда? В нашем недавнем репортаже о вас мы называли цифры от 50 до 70.

Кинг: Наверное, их около 70, но я не веду подсчетов. Помню, в детстве я думал, что было бы замечательно написать 100 романов за жизнь.

Келли: О Боже. Ну, вы, похоже, по-прежнему получаете от этого огромное удовольствие, так что надеюсь, нас ждёт впереди ещё много ваших романов.

Кинг: Было бы здорово.